

Виктор Точинов

Пятиозерье

«Точинов Виктор»

Точинов В. П.

Пятиозерье / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,

Пятиозерье. Тихое курортное местечко на Карельском перешейке. Здесь в детском лагере внезапно, прямо в середине смены, появляется странный мальчик Тамерлан. Мальчик, которому подвластны телекинез и телепатия... Мальчик, обладающий Даром внушения и способностью вторгаться в чужие сны... А вместе с ним в жизнь людей, отдыхающих в Пятиозерье, вторгаются ненависть, агрессия, страх и жажда насилия... Воронка, возникшая даже не миллионы – миллиарды лет назад, разрастается!..

Содержание

Пролог 1	6
Пролог 2	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	30
ИНТЕРЛЮДИЯ	34
Глава 5	38
Глава 6	42
Глава 7	48
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Виктор ТОЧИНОВ ПЯТИОЗЕРЬЕ

(Хроника Игры)

Предупреждение автора.

Роман полностью вымышлен. В основе его не лежат никакие реальные факты, а также не описаны действительно существующие люди, организации и населенные пункты. И если кому-то покажутся знакомыми действующие лица, события и пейзажи – скорее всего это совпадение, либо то, что французы называют дежа вю – эффект ложного узнавания.

Посвящается Наде и Антону.

Пролог 1

Утро последнего дня, 10:15, сосновый лес.

Утро выдалось роскошное – самое позднее утро.

Еще немного – и солнце поднимется, и выпутается из ветвей, и начнется очередной знойный день засушливого лета, сухой и жаркий. Но сейчас, когда уже отступила знобящая рассветная прохлада, и еще не пришла полуденная жара – хорошо.

Часовой прохаживается по поляне. Тридцать шагов туда, тридцать обратно: от кустов на опушке – мимо палатки из выгоревшего брезента – к высоченным соснам, высящимся над песчаным обрывом. Внизу, под обрывом, – озеро, но туда часовой не смотрит...

Белые кроссовки бесшумно раскидывают толстый слой пожелтевших иголок. Попавшие под ногу круглые шишки скрипят, как обиженные маленькие ежики. Вокруг красиво... Часовой не замечает – привык.

Он не изощряет зрение и слух – этот пост последняя, скорее символическая линия обороны. Все подходы перекрыты секретами, а неподалеку ждет своего часа резерв – ударная группа, еще не участвовавшая в первых утренних стычках.

Мимолетный взгляд на левое запястье; часы – дешевая китайская электроника. До смены сорок восемь минут. Потом – съесть оставленный в термосе завтрак, и, отпросившись у командира или попросту улизнув от него, сбегать искупаться на Чашку, самое маленькое и самое глубокое из кристально-чистых озер Пятиозерья.

Начинает припекать.

Часовой останавливается у палатки, небрежно прислоняет автомат к натянутому брезенту и расстегивает защитный комбинезон (цвет не по сезону – желтоватые пятна на буром фоне больше подходят для середины осени). Вздыхает о забытой в лагере кепке-афганке. Развязав тесемки синей нарукавной повязки, пристраивает ее на голову, на соломенного цвета вихры – на манер хайратки. И – снова движется привычной дорогой.

В паре шагов до очередного разворота – непонятный звук. Сзади. Часовой резко разворачивается. Вскидывает оружие. С буро-зеленой крыши палатки скатывается пустая консервная банка – большая, неровно вскрытая, тронутая ржавчиной. На боку жестянки буквы, нарисованные толстым черным маркером.

– Что за дурацкие... – Часовой подается вперед, пытается разглядеть надпись.

За его спиной, из-за толстой сосны – стремительная фигура в пятнистом, утыканном веточками камуфляже. Молниеносный бросок. Согнутая рука – сзади, на шею. Стальной капкан. Дыхание перекрыто – удивленная фраза обрывается. Булькающее хрипение.

Часовой пытается бороться, не видя противника. Старается разомкнуть пальцами захват, отгибавший голову к спине. Безуспешно... Локтем бьет назад – сильно и резко.

Мимо, теньями, – камуфляжники – двое? трое? – наступив на отлетевший автомат. Скользят в палатку. Тут же выныривают со знаменем в руках. На синем поле летит по волнам парусник; белые буквы ДОЛ поверху и красное полукружье “Бригантина” снизу.

Полотнище рвут с древка. Треск плотной материи кажется часовому убийственно оглушающим, пробивающим и корежащим тело сверху донизу... Но это просто что-то мерзко хрустит в его гнущейся назад и вбок шее.

Через треть минуты на поляне нет никого из незваных пришельцев. Валяется оскверненное древко, ветерок перебирает кудри потерявшего повязку-хайратку часового. Открытые глаза смотрят через плечо в бездонную синеву неба, вывернутая рука застыла, не дотянувшись до автомата.

До раздавленного пластмассового муляжа автомата...

Сегодня – утро первого дня Игры. И – утро последнего дня Игры.

Игры в “Зарницу”.

Пролог 2

Пик-над-Мирами. Времени нет.

Странное это было место. Или есть, или будет – время тут играет в прятки, то исчезая и делая вид, что его нет – то возникая бьющим во все стороны фонтаном – и страшна участь попавшего между струй.

ОН – не боялся. ОН стоял на вершине Пика-над-Мирами и смотрел вниз – или стоит и смотрит, или будет стоять и смотреть – можно сказать как угодно, и все будет неправильно. Чтобы стоять – нужны ноги, чтобы смотреть – глаза. Но ОН находился на вершине и видел – не глазами – что внизу.

Странное место... Миры внизу виделись не плывущими в бездонно-черной пустоте шарами – черной пустоты внизу вообще не было.

Загадочный, запутанный лабиринт, который человеческому глазу мог показаться – если бы он, глаз, мог видеть в этих диапазонах – громадным, перекрученным клубком, чудовищной комбинацией бесконечных разноцветных нитей – но ОН смотрел не человеческими глазами. Впервые за долгие годы (или секунды, или эпохи – время над Мирами вело себя странно), ОН нашел след, который искал – тонкую, яркую голубую нить, безнадежно и неразрывно перепутанную с десятками и сотнями других – но была она гораздо длиннее и ярче. Концы ее исчезали совсем уже в диких сплетениях, чтобы вынырнуть, сделать ложную петлю и снова пропасть в пульсирующей разноцветной паутине.

Нашел – но для этого пришлось взойти на Пик-над-Мирами – и непростым даже для НЕГО стало восхождение. Много странного и страшного лежало на пути. ОН взошел – не удивляясь странному и не пугаясь страшного – ибо очень велики, хоть и не безграничны, ЕГО силы... Многие считали ЕГО – и ЕЕ тоже – Богами. ОНИ никогда не были ими.

ОНИ не творили Реальность, в которой лежат все известные Миры – но возникли вместе с ней и не могли исчезнуть раньше ее. ИМ возводили храмы и возносили молитвы, считая Богами – ОНИ смеялись над этим, зная, что Творец умер.

ИХ храмы разрушали и повергали статуи в прах, и ставили капища Спасителей, изукрашенные дыбами, и колесами, и шибеницами, и крестами – ибо во всех Мирах пророки, зовущие себя Спасителями, учат смерти, и учат на своем примере, выбирая самую гнусную смерть – ОНИ смеялись и над этим, ибо ОНИ были Жизнь.

Молитвы они не слушали – но каждый мог обратиться к НИМ и получить, что хотел. Или умереть – ибо способный обратиться к Нерожденному и желающий при этом недостойного – мертв.

ОН носил сто имен – и во всех звучала труба. Сто имен носила и она – и звучала в них музыка флейты. ОН был Отец Битв и Пронзающий, и Воины – любимые дети ЕГО, а солдат ОН презирал. ОН раздирал Реальность и убивал чудовищ – ОНА же превращала их в птиц и цветы. ОН любил ЕЕ – хотя и странной любовью...

Лгали жрецы, учащие, что ОНА – Милосердие и Сострадание. ОНА не знала, что это такое. ОНА говорила – тем, кто хотел слушать – что пуста и глупа жалость к страдающим и умирающим – Смерть есть плата за Жизнь. Страшна и бесплодна милость к искалеченным, к воющим и к нищим духом, ползающим по обочинам Жизни, а сострадание плодит страдание. ОНА не Милосердие, ОНА не Сострадание, ОНА – просто Любовь. Лишь Любовь способна превратить смерть в счастье и победу, разогнуть сгорбленных и поднять раздавленных...

ОНА исчезла. Тьму эпох или пару мгновений назад – время не только на Пике-над-Мирами ведет себя по-разному.

ОН стал искать.

И – нашел след, поднявшись на Пик-над-Мирами.

Прыжок с Пика-над-Мирами. Время появилось.

ОН кажется сияющим клубком сжатого, спрессованного в тугий шар света, устремившимся с вершины и пронзившим сверкающий лабиринт ...

Мелькание слепящих нитей сменяется безумным калейдоскопом лиц и вещей, все звуки Мира гремят единой какофонией. Полотно времен распускается на пряди, ОН встает на одну. Слившиеся потоки материи замедляются и распадаются на людей и предметы. Появляются звуки – отдельно слышимые.

Короткий вскрик. Яркая вспышка. Треск.

Испуганный голос.

Темнота и тишина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Обратный отсчет: Семь дней до Игры (*Нити натягиваются*)

Глава 1

05 августа, 05:02, ДОЛ¹ “Варяг”.

Степаныч проснулся рано – он всегда просыпался так.

Узкое окно слабо серело – белые ночи на излете. Часов не было, но Степаныч чувствовал, что рассвет близок.

Встал, оделся, не включая света, – и без того отлично знал, что и где лежит в его комнате, а в тусклом мерцании сорокасвечевой лампочки больнично-серые стены раздражали Степаныча сильнее обычного.

На старом шкафу-инвалиде, подпертом кирпичами – шорох. Неясная тень метнулась бесшумным прыжком на кровать, оттуда на пол. Чубайс, огромный кот-диверсант, подошел, потерся об ногу, позволил почесать за ушами – одно из них висело лохмотьями, изуродованное в давней схватке. Замер у двери, готовый – чуть она приоткроется – выстрелить из-под ног рыжей молнией, исчезнуть в предрассветном безмолвии...

Охотился котяра в кустарниках и рощицах, в изобилии оставшихся от леса, когда-то стоявшего здесь, на месте детского лагеря “Варяг”, – и в них он был Владыкой Джунглей, Рыжей Смертью-на-мягких-лапах и Грозой Всего Живого. Забрёдавшие собаки обходили старого задиру десятой дорогой. А два юных натуралиста, привыкшие к городским муркам, попытались превратить Чубайса в тигра при помощи гуаши – но в результате сами приобрели от зеленки причудливо-пятнистую окраску...

На улице оказалось прохладно, с Большого озера тянуло сыростью. Только сейчас, ранним утром, чувствовалось, что до осени меньше месяца, – днем жара стояла почище июльской.

Степаныч зябко поежился, шагая по безмолвному, спящему лагерю. Подумал: может, стоит вернуться, надеть свитер под спецовку? – и решил, что не стоит. Ходьба согреет, да и рассвет недалек, скоро потеплеет...

...Навесной замок протестующе скрежетнул. Дверь открылась, явив миру загадочно-темные недра офиса и штаб-квартиры сторожа, истопника и подсобного рабочего ДОЛ “Варяг” – то есть Степаныча. Он ловко протиснулся сквозь набитую всевозможным инвентарем каморку. Вынул сверток из дальнего угла, из-за отложенных до зимы скребков и снеговых лопат, развернул промасленную тряпку, – сталь тускло отразила крохотный язычок свечи.

Вороненая оружейная сталь.

05 августа, 05:47, Пятиозерье, лесное озеро.

Место напрасно звали Пятиозерьем – озер в округе имелось ровно шесть. Правда, о шестом, затерянном в лесу небольшом водоеме мало кто знал.

...Тропа поднялась на заросший папоротником взгорок. Внизу блеснуло зеркало воды. Степаныч ухватил висевшее за спиной ружье, ловко выпростался из потертого ремня и взял оружие наизготовку – красивый, уверенный жест, совершенно не гармонирующий с его нескладной фигурой.

¹ ДОЛ – детский оздоровительный лагерь. Так ныне именуют бывшие пионерские лагеря.

Сторож владел старой бельгийской двустволкой “Лебо”, когда-то шикарной, штучной довоенной работы. От бывшего великолепия мало что осталось: серебряные накладки ложи выдрал кто-то из прежних владельцев, шарнир заметно люфтил, расколотую шейку приклада стягивал самодельный грубый хомут. Но стволы остались в приличном состоянии, и Степаныч считал: за пятьсот рублей – покупка удачная.

...Выстрелы ударили гулко, резко, неожиданно для еще дремлющего леса. Два матерых селезня, чья траектория взлета пересеклась со струями дробы, тяжело рухнули на болотистый берег.

Стрелял Степаныч метко – и не только по уткам.

Он подошел неторопливо – селезни упали удачно, в воду лезть не надо. Подобрал и уложил в сумку одного, неподвижно раскинувшего крылья на покрасневшей траве. Быстро и беззловонно свернул шею второму – тот бился, разбрасывая в стороны пух, перья и капельки крови. Переломил ружье, вынул и аккуратно положил в карман две гильзы – медные, исцарапанные, уже не один раз снаряжавшиеся...

Степаныч всегда экономил боезапас – старая привычка.

05 августа, 06:50, станция Каннельярви.

– С-с-сука... – просипел Чмырь. – Гнида наширявшаяся...

Объект этого высказывания слепо проломился сквозь кустарник. Похоже, он не заметил их с Пелюхиным – и не видел вообще ничего вокруг. Кроме своей трясущейся ладони, на которую выкатилась крохотная капсула...

– На колесах сидит, педрила...

В сипении Чмыря слышалась классовая ненависть малоимущего сельского алкаша к богатенькому городскому торчку. Ненависть усугублялась гнусностью раннего утра. Утро, как всем известно, самое отвратное время суток – если имеется настоятельная потребность выпить, но не имеется средств для ее реализации.

Пелюхин промолчал, нервно пожевал губами, нервно же оглянулся по сторонам – вокруг никого. Да и не ожидалось чье-либо появление в ближайшие несколько часов в этом укромном уголке.

– Сейчас отрубится, – сказал Чмырь безапелляционно.

Пелюхин кивнул. Не сговариваясь, даже не переглядываясь, они двинулись к скорчившейся на камне фигуре – заходя с двух сторон. Игра казалась беспроигрышной, а наркоша богатеньким. Это стало ошибкой, самой большой ошибкой в их жизни.

И – последней.

05 августа, 06:52, Пятиозерье, Чертово Озеро.

На карте все местные озера оставались безымянными.

Но юные обитатели “Варяга” окрестили каждое по-своему – передавая названия от смены к смене. Было Большое озеро – действительно самое большое, вытянувшееся на несколько километров, с круглым островом посередине. Было Блюдце, очень точно названное – мелкое, круглое, с теплой водой – купаться туда ходили младшие отряды...

Озеро, не похожее на другие, звалось Чертовым.

Оно, как и Большое, вплотную примыкало к лагерю. Но если на Большом озере – водоеме широком, живописном, с песчаным дном – располагались пляжи, купальня, лодочный причал, и именно на него смотрели фасады всех корпусов лагеря – то на болотистое Чертово выходила задняя, глухая ограда...

Озеро поблескивало на дне мрачной, заросшей ельником крутосклонной котловины – солнечные лучи туда заглядывали редко. Хотя вода между топких, плавучих берегов была такая же хрустально-прозрачная, как и в остальных здешних озерах, – но торфяное дно окрашивало

глубину в мрачный черный цвет, создавая впечатление бездонности. Неприятно-загадочной бездонности.

Юные обитатели лагеря не любили навещать это место – но леденящие душу истории, происходившие якобы здесь, часто звучали после отбоя в палатах.

Зато на Чертовом озере замечательно клевали караси.

Димка Осиков по прозвищу Ослик, невысокий, худощавый и лопухий фанат рыбной ловли из четвертого отряда, забывая отмахиваться от назойливых комаров, внимательно наблюдал за морзянкой самодельного поплавка на зеркально-темной воде.

Хлюпающие шаги за спиной застали врасплох. Димка резко обернулся. Удочка выскочила из воды без ущерба для численности обитателей озера. Он облегченно выдохнул:

– У-ух, здравствуйте, дядя Коля... А я уж испугался, что вожатая, они ведь не знают, что я здесь ловлю, думают – на Большом, а сюда запрещают, говорят: только там...

Степаныч приветливо кивнул.

Произведение бельгийских оружейников было уже разобрано и спрятано, замаскировано в широком, потертом чехле для удочек, откуда Степаныч извлек три тонких бамбуковых колена. Глядя, как он собирает и настраивает удочку, Димка спросил с легкой завистью:

– Ну почему же, дядя Коля, у вас караси всегда крупнее? Вроде рядом ловим...

Степаныч виновато пожал плечами.

05 августа, 07:20, Пятиозерье, ДОЛ “Варяг”.

Сон оказался неприятным: странный город, странные дома и странные люди, она куда-то шла, что-то говорила и делала (подробности немедленно стирались из памяти); но над всем, что с ней творилось в этом сне, нависало тревожащее ощущение – что всё: и она, и странные люди, дома, деревья – всё маленькое, крохотное, микроскопическое; что весь город лежит на огромном, гигантском столе, под ярким бездушным светом; и чей-то немигающий, пристальный взгляд внимательно и равнодушно изучает едва различимое копошение инфузорий-людей – и ищет ее...

Она шла, она скользила в толпе, пытаясь затеряться, – чужая среди чужих. А потом поняла, почувствовала, что ее заметили, что громадная страшная рука сейчас протянется и схватит... Она побежала.

Будильник прозвенел спасительной трелью. Она обрадовалась обычно неприятному звуку, оборвавшему ночной кошмар.

Радость оказалась короткой. Начался кошмар утренний.

Очередной.

Обычный.

Она снова проснулась в совершенно незнакомом месте.

05 августа, 07:26, станция Каннельярви.

Он не собирался убивать этих двоих – но так уж оно получилось...

Человек одет во все черное – черные джинсы с черными кроссовками, черная куртка-ветровка – утро сегодня прохладное. Вокруг – местный центр досуга и развлечений. Обломки вросших в землю свай и несколько чурбаков заменяют по вечерам мебель в этом клубе по интересам. До круглосуточного магазина – полторы сотни шагов, весьма удобно. Невысокие, но густые кусты скрывают от взгляда следы культурного и не очень досуга, изобильно покрывшие траву: пустые бутылки и банки, объедки, окурки, раздавленные одноразовые стаканы, засохшую блевотину...

Теперь кусты скрывают и кое-что еще: два трупа.

Два свежих трупа.

Судя по виду – типичные завсегдатаи сего райского уголка. Но почему так рано? Гулевали всю ночь, оставшись в вертикальном положении последними из многих? Или – разгневанные супружницы не допустили на законные брачные ложа и праздник продолжился поневоле? Стесненный в финансах праздник – иначе не пришла бы неудачная идея поправить материальное положение за счет человека в черном.

Абсолютно неудачная идея. И самая последняя.

Но он не собирался убивать этих двоих – так уж оно получилось.

Не жалел о сделанном – в его представлениях у ног лежала мразь, не заслужившая право на жизнь, – но и не собирался. Мрази вокруг слишком много, а жизнь слишком коротка.

Тревожил отнюдь не сам факт убийства. Однако все чаще происходило то, чего он не планировал – а то, что планировал, шло наперекосы и завершалось странно. Неясным оставалось одно – изменилась ли окружающая действительность, или мозг помалу начинал неадекватно на нее реагировать?

Раньше человек в черном был уверен, что уж этот-то орган откажет ему последним. Сейчас – сомневался и тревожился.

Он покинул клуб по интересам и отправился к своей стоящей поодаль машине – поиск предстоял долгий, стоило поспешить. Человек не сделал даже малейшей попытки прибрать трупы или еще каким-либо способом скрыть следы произошедшего.

Пусть себе лежат...

Резаных, колотых, стреляных ран нет – сначала стражи закона отработают версию с естественной смертью – если таковой можно считать кончину от паленой водки или другого суррогата. А после вскрытия начнут копать в сторону междусобойных рукопашных разборок... Или вообще не будут ничего копать, кроме двух могил. Без всяких вскрытий, с емким вердиктом: сердечная недостаточность. Реальная возможность: лето, глубинка, кто не в отпусках – с работы бегом на огороды, кому охота играть на жаре в холмсов-ватсонов из-за пары дохлых маргиналов...

Человек в черном был оптимистом.

05 августа, 07:28, Пятиозерье, ДОЛ “Варяг”.

Белая, чуть неровная поверхность – нависает, грозит рухнуть и раздавить. Снизу – что-то другое, тоже белое, обманчиво мягкое, бугрящееся. Сейчас схлопнется с тем, с верхним чем-то, – и все, конец.

Спокойно, сказала себе она.

Без паники.

Потолок. Это называется потолок. А снизу – кровать. Все в порядке...

Да, все в порядке – за исключением того, что и кровать, и потолок она видела в первый раз.

Она приподнялась, повела взглядом вокруг. Чужие и чуждые предметы неохотно докладывали о себе: стол, стул, тумбочка, шкаф. Комната. Это *моя* комната, подумала она с каким-то бессмысленным ожесточением. Подумала, подспудно уверенная в обратном.

Встала, подошла к зеркалу. Долго всматривалась в отражение. Лицо казалось симпатичным, но незнакомым.

– Это я, – сказала она с нажимом. Слова прозвучали гулко и странно.

Кто – ты? – ехидно поинтересовался внутренний голос. Она беспомощно отвернулась от зеркала, огляделась. Ответа не было.

Белый лист на столе. Крупные черные значки видны издали.

Она подошла, взяла в руки. Бессмысленные закорючки долго не хотели складываться в слова. Но сложились.

Это оказался спасательный круг, брошенный ей из совсем другой жизни, совсем другим человеком, чье место она почему-то заняла...

МЕНЯ ЗОВУТ СВЕТА. СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА ПОЛЛАК. Я РАБОТАЮ ЗДЕСЬ, В ЛАГЕРЕ “ВАРЯГ”, БИБЛИОТЕКАРЕМ.

– Меня зовут Света, – дочитав, покорно повторила она.
Очередной утренний кошмар медленно рассеивался.

05 августа, 07:43, Пятиозерье, ДОЛ “Варяг”.

Света выскользнула из своей маленькой комнаты с отдельным входом. Постояла, вдыхая утреннюю прохладу. Проверила шнуровку кроссовок, поправила гетры и побежала по плавно поднимающейся в гору дорожке – мимо площадки для лагерных линеек, к пятому и шестому корпусам и БАМу.

Пробегая рядом с безмолвным, спящим последним, самым сладким сном БАМом (так прозвали стоящее на отшибе здание для вожатых и воспитателей), Света привычно оглянулась – никого; чуть сбавила скорость, через полсотни шагов снова оглянулась, пожалала плечами и продолжила бег в среднем темпе, бодро приближаясь к вершине холма...

Лишь за верхними воротами лагеря (точнее, задними – никогда не запираемыми, выводящими на слабо накатанную лесную дорогу) ее догнал знакомый дребезжащий звук. Спустя минуту появился его источник – Доктор Пробринкин верхом на старом, выдавшем всевозможные виды велосипеде.

– Доброе утро! Извиняюсь за задержку – колесо спустило, накачивал, – приветствовал Свету запыхавшийся Доктор, форсированный подъем на холм дался ему нелегко.

– Привет! – коротко, чтобы не сбить дыхание, ответила Света.

Две недели назад она выдвинула – сама перед собой – очередную версию: странные приступы утреннего беспамьятия происходят от недостатка движения во время рабочего дня – и постановила возобновить утренние пробежки, заброшенные в последние два-три года.

Пробринкин (по мнению Светиных подруг, тайно и безнадежно в нее влюбленный) – заявил, что опасно удаляться в одиночку далеко от лагеря – в самое безлюдное время и по самому глухому проселку. И вызвался сопровождать Свету. Но в первое же утро позорно отстал, едва преодолев треть маршрута, и был поднят на смех Ленкой Астраханцевой, узнавшей о провале его телохранительной миссии.

Фиаско и последовавшие подколки не смутили Доктора. Он часто становился объектом беззлобных шуточек, но никогда на них не обижался. Вспомнив, что живет в век высоких технологий, а не грубой физической силы, Пробринкин призвал на помощь технику. С тех пор он сопровождал Свету на ветхом, одолженном у завхоза велосипеде.

...Они молча закончили подъем.

Вид с вершины открылся замечательный: отлично виднелся песчаный шрам речного русла и два ближайших озера, – третье вдалеке пробивалось сквозь сомкнувшиеся деревья осколками кем-то разбитого зеркала.

Здания “Варяга” притаились внизу, выглядывали из-под сосен – еще безмолвные, не проснувшиеся. Ни одного человека на густой паутине соединяющих их дорожек – серых асфальтовых и коричневых грунтовых, протоптанных многими поколениями пионеров, предпочитавших по юности лет ходить прямыми и кратчайшими путями...

Дальше, километрах в трех, на берегу Большого озера виднелись длинные низкие корпуса спортивного лагеря. А еще дальше, уже плохо различимая сквозь утренний, рассеивающийся туман – база отдыха судостроительного завода.

В западном же направлении, как утверждали некоторые знатоки этих мест, у самого горизонта можно было разглядеть белую полосу прибой на заливе. Знатоки ввали, – расстояние и

рельеф местности ничего подобного не позволяли, – но небо на западе точно выглядело чуть иным, словно отражало серые, неторопливо катящиеся волны.

Света и Пробиркин немного постояли, выравнивая дыхание после подъема. И побежали-покатили дальше, по лесу, который в отличие от лагеря давно проснулся и жил своей малозаметной жизнью, – она впереди, он чуть сзади, старательно объезжая камни, валяющиеся сушь и торчащие из неухоженной дороги корни...

Ретроспекция. Доктор Пробиркин.

Доктор Пробиркин отношения к медицине не имел. Впрочем, научных степеней в иных областях знания он не имел тоже.

Редкостно невезучий Пробиркин закончил технический вуз восемь лет назад, в самый разгар рыночных реформ.

В то время, не имея опыта или блага, устроиться по специальности было трудно, – уволенные инженеры выстроились длинными очередями у центров трудоустройства. Недолго думая, обладатель новенького диплома с энтузиазмом окунулся в стихию рынка – стал менеджером в небольшой частной фирме. Несколько лет усердно продавал лабораториям больниц и предприятий химическую посуду: пробирки, колбы, мензурки и другие необходимые стекляшки...

Доктор считался неплохим специалистом, когда фирма рухнула. Прохиндеи-владельцы прихватили авансы клиентов и смылись. Подчиненные остались у разбитого корыта.

С тех пор Сергей (именно так родители называли Пробиркина) настойчиво – и пока безуспешно – искал новую сферу применения своих талантов. Этим летом поиски привели, неожиданно для него самого, на должность инструктора по плаванию ДОЛ “Варяг”, или, сокращенно, – плаврука.

Оклад был символический, но идея провести лето на всем готовом в живописном курортном месте увлекла Доктора. Хотелось отдохнуть от круговерти последних месяцев и поразмыслить на лоне природы о жизненных планах...

На традиционной вечеринке в начале сезона, когда набранные с бору по сосенке вожаки, воспитатели и кружководы знакомились и приглядывались друг к другу (впрочем, имелся и костяк персонала, хранивший традиции, – люди, постоянно, из года в год, выезжавшие на все лето в лагерь), – на той вечеринке захмелевшего Сергея одолел бес словоохотливости. Былааа работа составляла большую часть жизненного опыта плаврука и он настойчиво развлекал присутствующих рассказами на специфичные темы. Начинались истории одинаково: “А вот когда я торговал пробирками...”

Тогда, с легкой руки Леши Закревского, он и стал Доктором Пробиркиным. Впрочем, намертво прилипшая кличка звучала не обидно, и Сергей откликнулся на нее, как ни странно, даже с некоторой гордостью.

05 августа, 07:48, ДОЛ “Варяг”.

Склон круто поднимался от Чертова озера к ограде лагеря – и приходилось хвататься за ветки и невысокие кусты, чтобы удержать равновесие.

Степаныч выглядел рыболовом, идущим с утренней ловли – чехол с демонстративно торчащей удочкой и нелегальным содержимым закинута за спину, на зажатом в левой руке прутике трепыхаются два толстеньких, с золотисто-черной чешуей карася – подарок Чубайсу. Рыжий разбойник обычно встречал хозяина у неприметной, скрытой кустами прорехи в тронутой ржавчиной железной ограде...

Но сегодня отнюдь не кот поджидал там Степаныча.

– Ну-у-у?! – Вадим Васильевич Горловой, начальник “Варяга”, не счел нужным поздравиться с подчиненным или хотя бы констатировать, что утро сегодня действительно доброе.

Его “Ну-у-у?!” звучало убийственно, как речь талантливого прокурора, – хотелось оправдываться и каяться во всех прошлых, настоящих и будущих прегрешениях.

– Опять браконьерствовал? До каких пор предупреждать?! Охота когда открывается, а?

Вопрос прозвучал риторически. Горловой сам баловался охотой и прекрасно знал, что стрельба уток начинается в предпоследние выходные августа.

– Дети сюда отдыхать, между прочим, приехали. А тут пальба по утрам! Ну а если дробь шальная вдруг залетит и кого зацепит?!

Положим, это он врет, подумал Степаныч. Заряды половинные, и от лагеря далеко... Не то что дробь, звук и тот не дойдет. А как сам начлаг ближе к осени с друзьями-приятелями... с карабинами, небось, на кабанов пойдут... Вот там-то точно пуля версты на три улететь может...

– Да тебя за одну только пьянку увольнять пора!

Здесь Горловой тоже передергивал, с девяти утра до пяти вечера Степаныч к бутылке не притрагивался.

– И пьешь-то в одиночку, как бирюк – что тебе там в голову пьяную взбрести может? Отберу ружье на хрен...

Начальник сделал шаг вперед, словно желая немедленно привести угрозу в исполнение. Степаныч смотрел на него неподвижным взглядом, рука перекатывала в кармане нагревшиеся медные гильзы.

Горловой сменил тему:

– А котиче твой?! Детишки чуть не в истерике, когда он птичек у них на глазах жрать начинает...

Рыжая настучала, думал Степаныч, больше некому... Принес ее черт тогда, ни раньше, ни позже... (Действительно, Ленка Астраханцева вела свой отряд в столовую, когда неподалеку Чубайс отнюдь не “жрал” – тащил, гордо подняв голову, с немалым трудом добытого дрозда.)

– В общем, этот разговор – последний. Еще одна жалоба, – и увольняю.

Начальник лагеря круто развернулся и направился в сторону административного корпуса, по-хозяйски оглядывая свои владения. А подчиненный продолжал смотреть на него. В удаляющуюся спину. Между лопаток. Неподвижным, слегка прищуренным взглядом – так смотрят сквозь прорезь прицела...

Горловой шагал и сам себя убеждал, что Степаныча надо все-таки уволить. Но – не хотел признаться, что истинная причина не имеет ничего общего со всеми перечисленными минуту назад проступками.

Ружья, и зарегистрированные, и нелегальные, держали почти все сторожа в окрестных лагерях. Они же часто втихую занимались незаконной охотой – и администрация, и местный участковый смотрели на это сквозь пальцы. Да и кто согласился бы сторожить зимой опустевшие ДОЛы со штатным смехотворным пугачом – сигнальным револьверчиком?

Трезвенники среди контингента сторожей и подсобников тоже не преобладали. Даже три совмещенных ставки давали мизерную сумму. Найти желающего заняться хлопотливым делом (пусть, как Степаныч, пьющего, немного и браконьерствующего) – было трудно. А увольнять найденного просто глупо.

Но Горлового подталкивал к такому решению страх – глубинный, затаившийся на дне подсознания страх.

...Однажды поздним вечером Горловой заинтересовался слабым отблеском света из подсобки. И заглянул сквозь мутное стекло.

Вопреки опасениям (или надеждам), собравшихся на тайную вечеринку подростков-токсикоманов начлаг не обнаружил. За шатким столом, сервированным свечой, стаканом и бутылкой водки, сидел Степаныч – спина упиралась в стену, голова откинута, глаза закрыты...

Разочарованный начальник отправился дальше, когда его догнал приглушенный, тоскливый, раздражающий душу вой – из подсобки. Звуки казались чуждыми для горла человека – так

может выть волчица у разоренного охотниками логова. Затем высокий, переполненный болью и тоской вой-стон сменился другим – хриплым рычанием, полным обреченной ненависти.

Горловой тогда судорожно передернулся, втянул голову в плечи и резко ускорил шаг, почти перейдя на бег.

За суетой последующих дней он почти забыл, – вернее, заставил себя забыть этот случай. Но что-то покалывало глубоко засевшей занозой при виде Степаныча, – непонятное чувство необъяснимого стыда... И – опасение. Опасение, рождавшее напряженный дискомфорт в присутствии седого и немого сторожа.

От источников дискомфорта Горловой привык избавляться.

Глава 2

05 августа, 08:12, Пятиозерье, лес.

ЧП случилось в самом начале обратного пути.

Они добрались до конечной точки маршрута – маленького родника, журчащего в срубе из осклизлых досок. Света ополоснула разгоряченное лицо. Пробиркин сделал несколько жадных глотков. Назад двинулись другой дорогой – высоким берегом озера, среди выгоревших, пожелтевших покосов.

Велосипед подпрыгнул на глубокой рытвине. Камера лопнула приглушенным выстрелом – Света остановилась и развернулась. Доктор слез со своего двухколесного друга и сокрушенно ощупывал колесо. Лицом он напоминал малыша, уронившего в лужу с трудом выпрошенное у мамы мороженое.

– Вот говорил, говорил мне Федор Палыч, что старая резина, что нельзя туго накачивать... – Причитающий Пробиркин попробовал снова оседлать своего Росинанта.

– Не надо, Сережа, – остановила его Света. – Обод согнешь... Ничего не поделаешь, катить придется.

Теперь бежали оба. Света впереди, налегке. Сзади пыхтящий и спотыкающийся Доктор Пробиркин влачил не оправдавшее надежд средство передвижения. Вскоре он стал отставать – десять метров, двадцать, тридцать – в лес Света вбежала уже одна.

.. Смешной Пробиркин, думала она, три недели молча катается следом... может и вправду влюбился?.. Девчонки из старших отрядов уже похихикивают, увидев нашу возвращающуюся из леса парочку...

За двадцать семь лет она как-то уже привыкла к тому, что никто и никогда в нее не влюблялся. Нет, конечно, бывали в юности, да и сейчас случаются авантюрно-любовные приключения, вспоминаемые почему-то исключительно со смехом. Но привлеченные симпатичной внешностью и покладистым характером мальчишки – юноши – мужчины при более близком знакомстве теряли первоначальную напористость, постепенно отдалялись и исчезали из ее жизни.

“Тебя можно любить только издали, как “Мадонну” в Эрмитаже...” – сказал ей... – как, кстати, его звали? Не важно, но некую общую закономерность всех ее романов тот мимолетный знакомый уловил...

Но Света не комплексовала и не тревожилась по этому поводу.

Повод для тревог у нее имелся иной.

Ретроспекция. Света.

Как сходят с ума?

На этот глупый вопрос есть не менее глупый ответ: каждый сходит с ума по-своему. Тихо и незаметно для окружающих. Они, окружающие, видят лишь результаты. Впрочем, и сам объект процесса зачастую не замечает ни его начала, ни финиша.

Со Светой все произошло по-иному.

Она прекрасно помнила, как начала сходить с ума... И когда.

...Зима. Зима этого года. Квартира-двушка в хрущевке. Поминки. Девять дней назад умерла мать. В комнате тесно – собранные по соседям стулья-табуретки плотно стоят вдоль длинного стола, составленного из нескольких, слегка отличающихся по высоте. Сослуживцы, подруги, – из родственников одна Света. Сидят давно, поминальные слова сказаны. Водка сделала свое дело, печальная торжественность ушла, гости немного повеселели – жизнь продолжается. Тихо разговаривают уже о своем, разбившись на группы по два-три человека.

Это пришло резко и неожиданно. Не было – и появилось.

Все вокруг стало чужим. Люди. Предметы. Комната. Света сидела и не понимала: где я? что я здесь делаю? кто эти люди?

Разговоры превратились в бессмысленный набор звуков – она не понимала ни слова. Незнакомые люди сидели в незнакомом месте, ели, пили – она зачем-то находилась среди них. Света сжалась на стуле, не понимая: что надо сделать... Хотелось закричать.

Все закончилось столь же быстро и неожиданно, как и началось. Она облегченно вздохнула, что-то ответила Наталье Макаровне, старой маминой подруге, тревожно вглядывающейся в Светино лицо, и секунду назад казавшейся совершенно неизвестной, чужой женщиной... Примерещится же такое.

Все закончилось.

Но спустя недолгое время пришло снова...

А потом приходило все чаще и чаще.

Правда, днем и наяву *провалов* больше не случалось, – надо думать, потрясение, вызванное смертью матери, постепенно сглаживалось.

Провалы появлялись по утрам. Именно по утрам – ни разу, проснувшись отчего-либо среди ночи, Света не испытала ничего похожего...

Она могла – поначалу – проснуться в абсолютно незнакомом месте – и несколько минут мучительно приходиться к выводу, что это *ее* кровать. *Ее* комната. *Ее* квартира. Логика подсказывала, что она дома – но память упрямо вопила: чужое! чужое!! все вокруг чужое!!!

Через несколько минут в мозгу словно бы щелкал выключатель. И все становилось знакомым. Узнаваемым. Беда небольшая – но срок узнавания медленно, но постоянно рос. Когда он перевалил за полчаса, она начала заниматься аутотренингом. Смотрела на окружавшие чужие предметы и твердила: это все мое, мое, мое...

Вроде помогало.

Умом Света понимала – все так и есть, все тут ее, родное, знакомое – но какая-то часть сознания продолжала бить в набат: чужое!!!

Естественно, в подобных обстоятельствах пришлось забыть о ночевках вне дома – иначе появлялся более чем реальный шанс окончательно свихнуться.

...А потом пришло очередное утро, и очередное – уже привычное – непонятно где пробуждение, и в середине привычной попытки убедить себя, что она дома, и все вокруг родное и знакомое, – ехидный внутренний голос спросил: твое – это чье? Две последовавших минуты Света не могла вспомнить, кто она такая – и это оказались отнюдь не лучшие минуты в ее жизни...

Логичнее всего было обратиться к врачу. К профессионалу-мозговеду. Но...

Но она не обратилась. Отчасти сработал стереотип – психиатры здоровых не лечат, психиатры лечат психов... Стоит один раз попасть на учет в психдиспансер – и в дальнейшем возможны всякие сложности. Неважно, захочешь ли ты получить автомобильные права, или лицензию на оружие, или устроиться в фирму, придирчиво отбирающую сотрудников.

С другой стороны, днем, вечером, ночью ни малейших проявлений недуга не наблюдалось. Только утром.

Света применила военную хитрость — против себя самой. Попробовала сменить режим – лечь как можно раньше, с тем, чтобы вставать ночью, задолго до рассвета. Организм бурно воспротивился хитроумному плану. Вечером уснуть никак не удавалось, а после двух ночных подъемов Света на третий раз проспала, не услышала звон будильника, – и снова проснулась утром, непонятно где... И – непонятно кем.

Она продолжила свою одинокую войну, настойчиво пробуя разные способы. Выезд на лето в Пятиозерье стал одним из них – неудавшимся.

Смена обстановки не помогла ничему. Записка, адресованная в утро, помогала больше – но по вечерам, когда Света укладывалась, она не раз думала, что листок, белеющий в сумраке на ее столе, очень напоминает флаг капитуляции.

А еще – она начала видеть сны. Как ей казалось – *чужие* ...

Самое же неприятное случилось в последние недели, уже в “Варяге”. Провалы – пока короткие, небольшие – начались наяву. Днем.

05 августа, 08:12, дорога Каннельярви – Пятиозерье.

ЧП случилось на подъезде к Полянам.

Синяя “шестерка” вылетела из-за поворота и взвизгнула тормозами. Остановилась, протертив асфальт черным тормозным следом.

Пестрая птица, напоминавшая не то курицу уменьшенного масштаба, не то киви (не фрукт, но птичку – национальную гордость новозеландцев) – панически метнулась туда-сюда и исчезла в придорожных кустах. Ее отпрыски, вообще не походящие на представителей класса пернатых – нечто пушистое и темно-серое, размером с крупного мышонка – повели себя еще более бестолково. Одни сбежали вслед за мамашей, другие залегли, прижавшись к крошечным выбоинкам асфальта – замерли, свято уверенные, что никому-никому не заметны.

Машина стояла неподвижно.

Кивиобразная курочка подавала из кювета настойчивые сигналы к отступлению. Упрямые малыши подчинялись неохотно, по одному, – вскакивали и катились меховыми шариками к матери.

Коростели, подумал человек в черном, провожая их взглядом. Поздний выводок... Похоже, первый погиб у старки. Неудивительно, если она их регулярно так через дорогу водит...

Нехорошо, подумал он, стронув машину с места. Нехорошо день начался – чуть грех на душу не взял, мать с детьми не раздавил... Опять зря прокатаюсь. Не будет сегодня удачи...

Он ошибся – насчет “зря”. А насчет удачи – вопрос спорный.

05 августа, 08:24, дорога, поворот к ДОЛ “Варяг”.

Железобетонное название лагеря было монументальным.

Внушало. Преисполняло. Восхищало – некоторых. Подавляло отчасти – остальных. Пугало – лиц с ослабленной психикой.

Но – Цертели тут ни при чем!

Не виновен одиозно-знаменитый скульптор в появлении пяти букв-колоссов ВАРЯГ на фоне чего-то странного – не то последней фазы затопления легендарного крейсера экипажем, не то извращенно-бурной радости по сему поводу личного состава японского императорского флота... Зураб Константинович в момент возведения циклопического названия лагеря безвылазно трудился над оформлением других пионерлагерей – в Адлере. За что и был отмечен впоследствии Ленинской премией.

Скорее, Колосс Пятиозерский стал выкидышем фантазии неизвестного скульптора-пацифиста, отбывавшего срочную на флоте. И – проведшего все три года в тоске, зубовном скрежете и загаженном гальюне (с зубной щеткой в руках)...

Легковая машина проскочила мимо монумента и остановилась. Постояла пару минут. Вернулась задним ходом и свернула на узкую грунтовую дорожку, обозначенную творением монументалиста-гальюнщика.

От шоссе до лагеря – четыре с половиной километра. Напрямик, через лес и мостик из двух бревнышек – гораздо ближе. Многие так и ходили. Машины, понятно, катили в объезд, по капитальному деревянному мосту, переброшенному через Каменку.

Накатанные колеи между сосен, песчаные откосы узкой речки, деревянный мост (надежный, подновляемый каждый год), снова колеи меж деревьев, дорога ползет вверх, и – распахнутые ворота, пустая будочка охранника, наверху, полукругом, те же пять букв – но уже без черетелевских выкрутасов.

ДОЛ “Варяг”.

Добро пожаловать.

05 августа, 08:32, ДОЛ “Варяг”

Вернулась она через главные ворота, отметив мимоходом стоявшую рядом с ними серебристую незнакомую машину, похоже, дорожную... В иномарках Света разбиралась плохо.

Лагерь проснулся.

Разноцветные стайки ребят тянулись к столовой, из спортгородка доносились слова команд, перемежаемые взрывами детского смеха – Леша Закревский проводил зарядку в своей обычной манере.

Она перешла с бега на быстрый шаг, приходилось ежесекундно здороваться – ее знал весь лагерь. Отшучивалась от любопытствующих: где, дескать, потеряла Пробиркина? Остановилась и восхитилась уловом рассудительного Димки-Ослика – карасики плавали в пластиковой тюрьме лениво и равнодушно, словно наверняка знали – им всего лишь предстоит подтвердить рыболовные таланты Димки и вернуться обратно в озеро.

...Искупаться Света успела, приходиться в столовую взмокшей после пробежки не хотелось. Но на завтрак немного опоздала – и сидеть за столом пришлось в одиночестве. А на обратном пути ей совсем чуть-чуть не удалось разминуться со старшей вожатой; СВ вышагивала откуда-то чеканной поступью кремлевского курсанта, марширующего по Красной Площади.

– Доброе утро, Светлана Игоревна. – Голос у СВ был негромкий и монотонный, но хорошо и далеко слышный.

Света, готовая уже юркнуть на крыльцо одноэтажного деревянного здания, где размещались кружки и игротека, – остановилась и неохотно повернула назад.

...Со времен пионерского детства СВ производила на Свету неприятное впечатление. При виде ее – даже сейчас – возникало чувство подсознательной вины и ощущение неотвратимости наказания, которое за эту вину последует, – при ясном понимании факта, что вины никакой нет, и наказывать ее СВ не имеет ни малейшего права...

– Здравствуйте... – Света запнулась.

Она попыталась было назвать старшую вожатую по имени-отчеству и поняла внезапно, что не помнит ее, казалось, очевидного и давно знакомого имени. Осталось лишь убеждение, что оно, это имя, отлично ей известно – забылись только звуки, какими надо превратить его в слова...

Вот так оно и бывает, подумала она в который раз, вот так и начинается склероз в двадцать семь лет... А если не лгать себе – отнюдь не склероз. Сумасшествие.

СВ продолжала говорить столь же монотонно:

– Светлана Игоревна, я *прошу* вас открыть сегодня библиотеку позже, а через час – планерка у начальника лагеря, ваше присутствие обязательно.

– Хорошо, я подойду, ... – Света опять запнулась, понадеявшись, что имя само сорвется с языка, если не вспоминать его напряженно.

Не сорвалось. Напрочь исчезло.

Ретроспекция. СВ

Света в третий раз выехала в “Варяг”.

Когда-то давно, впервые оказавшись без материнской опеки, девчонкой с исцарапанными коленками, – она носилась наравне с мальчишками под этими соснами, совсем не изменившись за минувшие годы.

Потом, после первого курса, закадычная подруга Ленка Астраханцева предложила поехать сюда вожатыми, в зачет летней практики.

А еще девять лет спустя та же Астраханцева уговорила потряхнуть стариной и поработать библиотекарем.

И каждый раз в лагере была СВ (раньше ее звали СПВ – старшая пионервожатая). СВ ничуть не менялась с годами, чудесным образом законсервировавшись на неопределенном возрасте “за тридцать”. Высокая, подтянутая, в неизменных отглаженных блузках и юбках ниже колена, она стала такой же всенепременной составляющей “Варяга”, как озеро, как остров, как неохватная, вековая сосна у волейбольной площадки.

Никто не знал, есть ли у нее муж и дети, да и вообще личная жизнь. Света сильно сомневалась.

Личной жизнью СВ давно и бесповоротно стал лагерь. Выступая на линейках и мероприятиях, старшая вожатая преображалась: обычно бесцветный голос звучал ярко и звонко, как у двадцатилетней девушки; блеклое лицо (СВ практически не пользовалась косметикой) озарялось живой улыбкой, не похожей на обычное аскетичное выражение...

Иногда Света задумывалась: а куда девается и что делает СВ между сентябрем и июнем, когда лагерь пустеет? Почему-то казалось, что она никуда не уезжает. Уходит в бывшую ленинскую комнату и там впадает в зимнюю спячку в недрах большого старого шкафа – среди пожелтевших плакатов, сломанных барабанов и горнов...

Теперь Света не могла вспомнить, как зовут СВ.

05 августа, 09:07, окрестности ДОЛ “Варяг”

Отсюда, с вершины холма, трудно было понять, как мог бы выглядеть лагерь в объективе телекамеры, установленной внизу, в любом из бесчисленных удобных для съемок мест.

Но у черного человека были хорошо развиты и глазомер, и воображение, и пространственное мышление. Он представил, как видится объект наблюдения с разных точек зрения. И понял, что нашел искомое. С вероятностью девяносто пяти процентов – нашел.

Повезло. Методичное и изматывающее прочесывание Карельского перешейка не потребовалось. Третий или четвертый выстрел с завязанными глазами угодил в цель. Хотя все могло быть гораздо проще и быстрее...

Но быстро и просто не получилось.

...Случайно, вполглаза, увиденный в теленовостях репортаж стал последним творением съемочной группы перед отпуском. Название лагеря в коротком сюжете, посвященном вспышке клещевого энцефалита, не упоминалось. Ни оператора, ни репортера в опустевшем здании областного телевидения человек в черном не нашел – равно как и людей, осведомленных об их летне-отпускных планах. Лишь водитель, возивший телебригаду, проводил отпуск в городе, и, теоретически, мог облегчить поиск...

Но его человек в черном убил два дня назад. Убил в самом начале разговора.

Не хотел убивать – но так оно получилось. Шофер, некогда принадлежавший к славным ВДВ, и наутро был полон впечатлениями вчерашнего Дня Десантника. В крови его бурлил алкоголь, а в голове – презрительная ненависть к штафиркам, не знающим, что такое парашют и автомат, не обученным крушить ребром ладони стройматериалы, и не ведающим, как пахнет нагревшаяся под нездешним солнцем броня.

Водителя, без сомнения, стоило бы оставить на какой-то срок в покое – дабы спокойно и результативно расспросить через день-другой. Но человек в черном не желал попусту терять даже столь короткое время.

Результатом попытки форсировать разговор стал труп с торчащим из глазной впадины инородным предметом. Нехорошо вышло. Ничем, в принципе, не виноватого экс-десантника он не хотел убивать, – но так уж оно получилось.

Впрочем, как только что выяснилось, – потеря оказалась небольшая.

Повезло.

05 августа, 09:15, ДОЛ “Варяг”

Света резко остановилась.

Впереди на дорожке, лицом к ней, находились трое: начлаг Горловой и двое незнакомых – высокий, представительный мужчина и мальчик лет двенадцати.

Именно мальчик привлек наибольшее внимание: стройная фигурка в черной футболке и белых брюках; лицо тонкого восточного типа с огромными темными глазами.

Такое лицо естественно дополняют черные кудри – но мальчик не был жгучим брюнетом. Наоборот. Его волосы останавливали и притягивали любой мимолепный взгляд. Притягивали абсолютно белым цветом, не выглядевшим мертвенной белизной альбиноса или удивительно ранней сединой, – но и классическим блондином мальчик не был. Цвет волос напоминал крыло парящей над морем чайки – и придавал странное выражение правильным чертам лица.

Света не успела приглядеться к мальчику – на дорожке разворачивалась напряженная сцена. На пути у Горлового и его спутников стоял кот Чубайс.

Даже не стоял, а медленно, буквально по миллиметру, отодвигался – хотя Свете казалось, что ни одна из напружиненных лап не переступает назад. Шерсть поднялась дыбом, спина выгнулась дугой – в низком, на границе инфразвука рычании звучала обреченная ярость последнего боя.

Начальника лагеря, похоже, единственно присутствие гостей удерживало от желания мощным пинком подкорректировать жизненную позицию наглого зверя. Горловой не любил, когда ему преграждали путь. И – не любил братьев меньших. Но пока сдерживался.

Хотя, может, и не в гостях было дело. Вид кота никак не располагал к близким с ним контактам.

Света шагнула вперед.

Взгляд ее скрестился со взглядом белоглового мальчика – и зацепился. Прилип. Ей показалось, что все вокруг замерло и застыло – и в этой долгой-долгой тишине и неподвижности она всматривается и всматривается в бездонно-черные глаза. Впервые она поняла, увидела, почувствовала, – что значит в применении к глазам слово “бездонные”... И лишь спустя долгие часы (годы! века!) смогла отвести взгляд.

На деле, конечно же, прошли доли секунды.

Света нагнулась к Чубайсу, она всегда замечательно ладила с детьми и животными.

Подхватила кота, не думая об острых когтях. Торопливо поздоровалась с Горловым и незнакомцами. Свернула и быстро пошла в сторону столярки, где в это время обычно бывал Степаныч... Она шептала в рыжее ухо что-то бессмысленно-успокаивающее и чувствовала, как медленно расслабляются под ее ладонями тугие мышцы Чубайса.

Света не видела, но белогловый мальчик смотрел ей в спину.

Очень внимательно смотрел.

Глава 3

05 августа, 09:22, ДОЛ “Варяг”, верхние ворота.

Визитная карточка гостя извещала о его роде занятий просто: предприниматель. Понимайте, как знаете, – не то перед вами владелец овощного ларька, не то президент совета директоров крупной корпорации.

Горловой склонялся ко второму варианту. Предпринимателей-азербайджанцев он вообще-то представлял по-другому – кепка, кожаная куртка, синеющие щетиной щеки и избыток безвкусно-массивного золота. Булат Темирханович Хайдаров, августовским снегом свалившийся с утра пораньше на голову начлага, – в сложившийся образ никак не вписывался.

Живущий с тринадцати лет в Ленинграде-Петербурге, он вызывал ассоциации не с рыночными торговцами, но скорее с профессурой. Причем не с нашей, а с хорошо обеспеченной и по-настоящему культурной профессурой. С оксфордской. Или с кембриджской.

Легкий светлый костюм, сшитый идеально по фигуре, и наверняка очень, очень дорогой. Мягкая, без малейшего акцента, речь и сдержанные манеры. Из золотых украшений – только узкий ободок обручального кольца на безымянном пальце.

Они с Горловым медленно шли по лесной дороге, – за воротами лагеря. Машина предпринимателя (серебристый “сааб”) стояла рядом. Предшествующие сорок минут занял осмотр лагеря – гидом Булату Темирхановичу служил сам начальник, снисходивший до такого в редких случаях, для особо важных гостей...

– Понимаете, меня это тревожит, хотя врачи и говорят, что со здоровьем у мальчика все сейчас абсолютно в порядке, но мне почему-то кажется, что они... – Хайдаров на секунду замялся, пытаясь подобрать наиболее точное выражение. – ... Не совсем понимают, с чем столкнулись в данном случае. Я и сам за последние месяцы стал крупным специалистом по поражениям электричеством – прочитал все, что можно достать на трех языках по этому вопросу. И если подобные физические изменения описаны во многих известных случаях: внезапно побелевшие волосы, шрам (или ожог) на груди странной формы... – то некоторые вещи для меня необъяснимы. Например, два месяца назад я совершенно случайно обнаружил, что Тамерлан заговорил по-азербайджански!

– В самом деле? – вяло поинтересовался Горловой.

Медицинские аспекты его не интересовали, пусть ими занимается Нина Викторовна. Начальнику не терпелось перейти к вопросам финансовым.

– Да! – Булат Темирханович, наоборот, был рад поговорить о наболевшем. – Представляете, два месяца назад застал его беседующим с приехавшими из Баку родственниками... По-азербайджански!

И, отвечая на непонимающий взгляд Горлового, пояснил:

– Дело в том, что моя жена – русская, в доме по-азербайджански не говорили давно, с тех пор, как умерла моя мать... А Тамерлану тогда было полтора года.

Рассеянно слушавший Горловой напряженно пытался определить сумму, – и боялся продешевить. Он чувствовал, что торга не будет. Или ему заплатят сразу, или этот высокий статный мужчина с седеющими висками (язык не поворачивался назвать его айзером, даже в мыслях) развернется и уедет.

– Психотерапевты объясняли мне, что от сильного шока могут вспомниться вещи, слышанные чуть ли не внутриутробно... Не знаю, не знаю...

– Почему вы выбрали именно наш лагерь? В середине сезона, когда все путевки давно распределены, несколько затруднительно... Вы понимаете... – Горловой, как опытный лоцман, повел разговор к интересующей его теме.

– Мы вообще-то... ехали к друзьям под Приозерск... У них там охотничий домик... – Хайдаров говорил с легким недоумением, словно сам удивляясь, как он очутился здесь, неподалеку от ворот “Варяга”. – Но... сыну место почему-то понравилось... сказал, что был бы рад...

Речь Булата Темирхановича потеряла недавнюю стройность и четкость. Горловой слегка удивился несуразности его рассказа. Чтобы добраться от Приозерского шоссе до лагеря, приходилось долго плутать отнюдь не живописными проселками, мимо торфоразработок. Дстойные кисти художника пейзажи Пятиозерья открывалась как раз с шоссе Выборгского...

Предприниматель провел ладонью по лбу, будто стирая что-то невидимое и липкое. Спросил в другой манере, конкретно и жестко:

– Полторы тысячи долларов вас устроят?

Сумма оказалась большая, даже чересчур, но Горловой был почему-то уверен, что с неожиданного гостя можно запросить дороже. И начальник пустился в объяснения, какие затраты несет он лично, стараясь обеспечить всем необходимым подрастающее поколение...

– Две тысячи. – Собеседник уже не спрашивал Горлового, просто ставил перед фактом.

Это превышало все мыслимые пределы – на порядок. И Горловой отменил странности и несуразности в рассказе Хайдарова. Предпочел не заметить. Не обратить внимания.

Хотя только что бес подозрительности вопил в его душе во весь голос: да как же так?! да где такое видано?! Случайно ехали мимо, мальчику понравился ландшафт, – и нате вам, любящий отец тут же пристраивает чадо отдыхать в это самое приглянувшееся место?! Сразу, с лету, ничего не разузнав толком?!

Но сейчас бес подозрительности умолк – очевидно, занятый пересчетом долларов в рубли по курсу.

– Устроят, – сказал Горловой, уверенный, что при любом раскладе хорошо наживется.

Начальник ДОЛ “Варяг” сильно ошибся.

И – продешевил.

05 августа, 09:23, ДОЛ “Варяг”, столярка.

– Доброе утро, Николай Степанович!

Увидев Свету, Степаныч обрадовано улыбнулся. Это было редкое зрелище – улыбка на его лице, обычно нахмуренном, с глубокими морщинами на загорелой коже.

Света осторожно опустила кота на землю рядом с верстаком.

– Вот, получайте. Сошелся с Горловым на узкой тропинке и не хотел уступать дорогу.

Степаныч удивленно посмотрел на рыжего разбойника. Сделал приглашающий жест в сторону чурбаков, служивших стульями.

– Извините, Николай Степанович, побегу. Планерка у начальника, а мне надо еще в библиотеку заскочить.

И она исчезла из засыпанной стружками столярки.

Степаныч снова улыбнулся, – уже ей вслед. Ему казалось, что его младшая дочь выросла бы похожей на Свету. Выросла бы... Если бы успела с матерью и сестрой уехать восемь лет назад... Уехать с последней благополучно прорвавшейся из Цхинвала колонной беженцев.

А Света, уходя, вспомнила недавнюю сцену на дорожке и вдруг поняла: боевая стойка кота была направлена никак не на Горлового. Начальник лагеря стоял чуть-чуть, но в стороне. Объектом густо замешанной на страхе ярости Чубайса стал мальчик с волосами белыми, как крыло чайки.

05 августа, 09:28, ДОЛ “Варяг”, библиотека.

“СЕГОДНЯ БИБЛИОТЕКА ОТКРО...” – Светин фломастер выписывал ровные крупные буквы, когда рыжим вихрем ворвалась незнакомая женщина.

– Светик! Приветик!! – радостно пропела она, ловко перегибаясь через библиотечную стойку и чмокая Свету в щеку.

Та сморщилась, как от зубной боли. Опять... Потребовалось несколько долгих секунд, чтобы понять: это – Ленка. Ленка Астраханцева. Давнишняя подруга...

Ленка не поняла значения странной паузы, но что-то заметила.

– Чего грустишь? – И, не дожидаясь ответа, Астраханцева затараторила дальше: – Ты знаешь, Масик приехала, сегодня утром, пока ты с Пробиркиным... хе-хе... бегала.

Кто такая Масик, вспоминать не пришлось. Воспоминания полностью вернулись. На какое-то время...

Света спросила:

– Масик? Она же вроде где-то в Сибири?

Света с Масиком были знакомы между собой поверхностно, как и многие другие бесчисленные подруги Астраханцевой.

– Да ну, опять все та же история... – Ленка вздохнула, искренне опечалившись (впрочем, ненадолго). – Вроде старалась: косметики едва-едва, никаких мини; ну и за компьютером, как бог, да еще два языка в придачу... И директор нормальным казался... здесь, в Питере... А приехали в Красноярск – такой же козел, как и прочие... Короче, ночью ничего не добился, а утром уснул с каким-то поручением; вернулась в гостиницу – номер сдан, ни шефа, ни вещей, ни билетов, ни денег...

– Как же она выбралась? – Света представляла материальное положение семьи Масика, перевода на билет той ждать не приходилось.

– Да некогда выспрашивать мне было, оглоядов своих на завтрак вела... Ты приходи вечером, надо успокоить Масика, а то совсем никакая приехала... Кстати, Клайд сегодня заскочит, он новый альбом сочинил, один, без “Пном-Пеня”, сплет...

– Ну-у, – задумчиво протянула Света, в отличие от Ленки она от общения с Клайдом в восторг не приходила; и, чтобы сменить тему, спросила:

– А что за срочное собрание у Горлового?

– Это насчет бумаги из УО. – Астраханцева, как всегда, узнавала все раньше всех. – Получил наш Вадим Васильевич вчера циркуляр насчет усиления военно-патриотического воспитания. Пятнадцать лет не вспоминали, однако... Предписано растить героических солдат для любимого президента: наглядная агитация, встречи с ветеранами... А гвоздь программы – возрождение “Зарницы”. Короче, мальчишки будут бегать по лесу с деревянными автоматами под командой Закревского и Доктора; а мы... а мы засядем шить чепчики, чтобы было что кидать в воздух при встрече героев...

Прозвучала наверняка цитата, очень знакомая, хоть и слегка искаженная... Но откуда? Не вспомнить... И Света решила (далеко не в первый раз) все-таки проконсультироваться с врачом.

Ни одного из предыдущих решений в жизнь она не воплотила.

Ретроспекция. Астраханцева.

Давно, в конце восьмого класса, Ленка Астраханцева глянула в зеркало и с редкой самокритичностью поняла, что красивой ей не стать никогда.

Высокий лоб был слишком узким; непропорционально расширяющееся книзу лицо дисгармонировало с маленьким ртом и подбородком – тоже узким; длинноватый, отнюдь не классической формы нос чересчур приближался к верхней губе, по любым меркам излишне тонкой; веки – тяжелые, словно набухшие изнутри – придавали взгляду мрачное выражение... Словом, победы на конкурсах красоты Ленку никак не ожидали.

И даже волосы красивого золотисто-рыжего оттенка росли редко, вынуждая подолгу возиться с расческой и лаком перед любым выходом из дома. А фигура... на фигуру она давно

уже перестала обращать внимание, решив, что выигранные жестокой диетой граммы никак не окупают перенесенных страданий...

Сделанное открытие у Ленки особых моральных терзаний не вызвало и комплекса неполноценности не развило. Отметив сей безрадостный факт, Астраханцева постановила пойти другим путем: она решила стать *умной*. И не просто умной. Желательно – еще и талантливой.

Задача оказалась непростой, тем более что наследственность не предрасполагала: мать – простая учительница, тонущая в беспросветном болоте тетрадок, диктантов и сочинений; отец – добрый, мягкий, всегда и всем готовый помочь пролетарий – но медленно спивающийся.

Ленка с младшей группы детского сада отличалась редкой целеустремленностью и умением добиваться своего. Она запоем читала – книги исключительно *умные*, детективы и фантастика были исключены по определению; она ворвалась в околбогемную тусовку, настойчиво заводя знакомства с непризнанными поэтами и рок-музыкантами (порой доводилось пообщаться и с *настоящими*). Она мелькала среди кухонных философов, запросто жонглирующих Юнгом и Хайдигером – и научилась у них гладкословно оперировать звучными красивыми терминами.

Выбранный путь требовал высшего образования – и она пошла в педагогический по языку и литературе, абсолютно не разбираясь в точных науках и обоснованно побаиваясь поступления в университет, на гуманитарные факультеты...

В итоге цель оказалась достигнута – среди своих многочисленных знакомых Ленка слыла интеллектуальной особой, способной рассуждать о Кафке и Борхесе, и дочитавшей известного любителя наркотических полетов во сне и наяву Кастанеду аж до пятого, а то и до шестого тома...

Что удивительно – вся эта суета не помешала ей рано выйти замуж и родить дочку. Впрочем, муж спустя три года куда-то заделался, оставив на память о себе лишь фамилию, ныне носимую Ленкой. О наличии же дочери (в основном проводившей время с бабушкой) иные Ленкины друзья-приятели и не догадывались.

Знакомство с людьми по-настоящему талантливыми у Ленки почему-то не затягивалось. Например, она никому не показывала автограф известного поэта (действительно поэта, а не попавшего в струю рифмоплета). Это было прощальное двустилие, посвященное ей, Астраханцевой:

Так хочется прослыть интеллигентной...
Но хромосомы выдают, мешают гены...

Не бог весть какая поэзия, – маэстро, сочиняя сей шедевр, был, сказать по правде, уже изрядно пьян. Но Ленка листок с неровными строчками, датой и подписью не выбрасывала – чем черт не шутит, вдруг когда-нибудь – после смерти – произведут из известных в гении и начнут продавать на аукционах всякую ерунду: кресло, продавленное гениальным задом; навевавшие вдохновение домашние тапочки; и такие вот, спьяну щедро рассеянные по многочисленным знакомым мятые бумажки...

Подобно прочим околбогемным завсегдатаям, случалось ей порой мелькнуть и на экране – в массовке, фоном для заезжей или местной знаменитости. Но в последний раз теледеятели увековечили Ленку по иному поводу. И – это оказалась самая неудачная съемка в ее жизни.

Астраханцеву увидел человек, раздающий все долги.
Долг Ленке он считал одним из главных.

05 августа, 09:41, ДОЛ “Варяг”, медпункт.

Нина Викторовна, врач “Варяга”, отработала всю жизнь в системе школьного здравоохранения. Тридцать лет борьбы с юными симулянтами весьма закаляют характер и нервы, но она не смогла сдержать возмущения.

– Да что же это твориться? Совсем свихнулся от жадности... Как я могу принять ребенка без карточки, без справки о прививках?! А если проверка от райздравицы? Что тогда?

Тирана была обращена не к белоголовому мальчику, скорее к отсутствующему Горловому. Тамерлан и не слушал. Он внимательно рассматривал шкаф, набитый медицинскими карточками детей и сотрудников.

– Сними футболку, я тебя хоть осмотрю, – сказала Нина Викторовна другим тоном.

Тамерлан взглянул на нее, словно не понимал, о чем речь. Протянул руку к шкафу. Сказал:

– Здесь – истории болезней детей? А здесь – сотрудников? Надо просмотреть. Все. Сейчас. Заприте дверь.

Удивиться Нина Викторовна не успела...

Встала и двинулась к двери механической походкой робота. Лязгнули засовы.

05 августа, 09:52, ДОЛ “Варяг”, кабинет Горлового.

Совещания у начальника лагеря всегда отличались занудностью.

Лучше бы Горловой просто зачитал вслух этот патриотический циркуляр, думала Света. Чем вот так пересказывать своими словами... И до чего же он упивается канцелярскими оборотами...

Света пододвинула к сидевшему рядом Лешке листок, на котором маршировал смешной пузатенький чертик, держащий наперевес винтовку с примкнутым штыком – кривым, как турецкий ятаган. Мордочкой чертик-патриот крайне напоминал физрука ДОЛ “Варяг”, то есть Лешу Закревского.

Он (Леша, не чертик) немедленно разулыбался и быстрыми штрихами стал пририсовывать другого бесенка – тощего, с встрепанной шевелюрой, целящегося в неведомого противника из огромной пробирки...

– Далее. Светлана Игоревна! – Горловой легонько стукнул карандашом по блокноту. Света выпрямилась на стуле и торопливо перевернула разрисованный чертиками листок.

– Вам необходимо составить список книг по военно-патриотической тематике и заказать их согласно этого списка, – Горловому чем-то понравились последние слова и он со вкусом повторил их еще раз, – ... согласно этого списка через коллектор.

– Но... – Света замялась. – Я не представляю, что должно войти в подобный список...

– Гм... – Начальник лагеря задумчиво полистал циркуляр. Он и сам не особо представлял, что скрывается под этим полужабытым термином: военно-патриотические книги. – Алексей Юрьевич, может быть вы, как человек служивший и даже, гм-м, воевавший, подскажите Светлане Игоревне?

– Так точно! – Лешка выкатил грудь и расправил плечи, изобразив лицом плакатного отличника боевой и политической подготовки, только в глазах мелькнули веселые искорки. – Записывай, Света.

И стал размеренно диктовать, как будто зачитывал список использованной литературы:

– Первое: “Начальная военная подготовка”, Учебник для 9-10 классов, “Учпедгиз”, 1984 год;

Второе: “Устав гарнизонной и караульной службы”, “Военгиз”, 1969 год;

Третье: Цыгулев А.А. “Как распознать вражеские самолеты?”, Воениздат НКО СССР, 1942 год;

Четвертое: “Наставление по стрелковому ...”

– Прекратите, Алексей, – прервала его СВ, до сих пор молчавшая. Если бы у навеки замороженной трески вдруг прорезался голос, она наверняка говорила бы похожим тоном. – У меня сохранилась старая методичка по военно-патриотическому воспитанию, там есть все необходимое...

Горловой неодобрительно глянул на Лешу и резюмировал:

– Вот и отлично. С книжками вы, Светлана Игоревна, разберетесь... Теперь перейдем к главному. Необходимо провести в лагере игру “Зарница”...

Глава 4

Ретроспекция. Пробиркин.

Доктор Пробиркин пропустил мимо ушей все разговоры о наглядной агитации, патриотических книгах и встречах с ветеранами. Но упомянутые Горловым военные игры вызвали у Пробиркина ностальгические и самые приятные воспоминания...

Хотя сам Доктор в детстве в пионерлагеря не выезжал, отдыхая с бабушкой на даче, но кое-какой опыт в подобных играх у него имелся. Учитель, преподававший в школе юному Сереже (тогда еще не Доктору и не Пробиркину) благородную историческую науку, был заиклен на ратной истории Отечества – и выезжал с учениками на регулярно проводимые военно-исторические игры, приуроченные к славным для русского оружия датам.

Каждый год съехавшиеся со всей страны участники исторических клубов представляли в лицах то Куликовскую битву, то Бородинское сражение – в соответствующих костюмах и с любовно выстроганным оружием... Довелось побывать на таком действе и будущему Доктору Пробиркину.

Разыгрывали штурм крестоносцами старинной Копорской крепости, что в сотне верст к западу от Ленинграда. Семиклассник Сережа изображал русского дружинника: мама смастерила шлем из картона, оклеенного фольгой, и связала крючком крупноячеистую кольчугу из пеньковой бечевки; папа выстрогал из доски меч и выпилил щит.

В этой экипировке юный Доктор защищал полуразрушенные стены древней крепости, которые пытались преодолеть суетящиеся внизу псы-рыцари в пошитых из старых простыней крестоносных плащах и в рогатых шлемах из старых ведер с прорезьями...

Отличие от постановки, к примеру, Полтавского сражения (где шведам победить никак не полагалось) финал сей битвы не был predetermined заранее – рыцари подступали к Копорью неоднократно, иногда добиваясь своего, иногда ретируясь с изрядным уроном.

Поэтому штурм проходил с большим азартом. Крестоносцы перли “свиньей” по мосту, ведущему к главным воротам. Ведра на их головах трещали от бутафорских палиц русичей; порой дело доходило до рукопашной – отбросив исторические причиндалы, противники пускали в ход кулаки.

Пробиркин, несущий с одноклассниками вахту на дальнем, пока не атакованном валу, заметил небольшой отряд ведроносцев. Втихую, без боевого клича, супостаты карабкались по земляному склону, подбираясь к прорехе в стене...

...В последний момент воспитание не позволило Сереже обрушить занесенный увесистый меч на показавшуюся над краем вала рогатую голову – с криком “За Русь святую!” он уперся двумя руками в крестоносную простыню и, поднатужившись, столкнул пса-рыцаря вниз. Тот истошно завизжал тонким голосом и понесся вниз по склону, будучи не в силах остановиться. Рыцарь Тевтонского ордена оказался девчонкой! Более того, уже и не совсем девчонкой – ладони Доктора уперлись прямоком в упругую девичью грудь вполне взрослых размеров...

На пуритански воспитанного юного Пробиркина этот эпизод баталии произвел колоссальное и незабываемое впечатление, начисто затмив в памяти прочие подробности битвы. Даже много лет спустя Доктор Пробиркин — выросший (и успешно потерявший на третьем курсе девственность), вспоминая свои ощущение при схватке с крестоносницей, впадал в приятное и возбуждающее томление...

05 августа, 09:59, ДОЛ “Варяг”, кабинет Горлового.

Горловой и сам не имел ясного понятия – в каком, собственно, виде должна проходить возрожденная “Зарница”.

Из воспоминаний прошлого осталась в памяти только внешняя атрибутика, в настоящий момент не актуальная: красные флажки, эмблемы-звезды, бодрые отрядные песни с несвоевременными теперь словами... Да еще зачем-то вспомнилось, что главнокомандующим Всесоюзной военно-патриотической игры “Зарница” был генерал Тимур Гайдар – сын широко известного писателя и отец печально знаменитого реформатора.

– Сергей, – сказал Горловой (по отчеству Доктора не звал никто и никогда). – У вас, как у ответственного за спортивное воспитание, есть соображения по форме проведения военно-спортивной игры? – К Леше, похоже, Горловой решил больше не обращаться.

– Э-э-э... – раздумчиво протянул вырванный из сладких воспоминаний плаврок Пробиркин. – Может, проведем в старинном стиле? Ну, мечи там, луки, шлемы...

– Ну конечно, – подхватила Алла Богдановна, большая поклонница Толкиена и Перумова (она вела изокружок и заодно отвечала за наглядную агитацию). – Пошьем костюмы: один отряд пусть будет эльфы, другой – гоблины, третий – хоббиты...

– И какой, интересно, патриотизм вы собираетесь такой игрой развить? Гоблинский? Или эльфийский? – Судя по усталому тону СВ, все последние годы она провела в опостылевшей борьбе с поклонниками игр в стиле “фэнтези”. – Насколько я понимаю, вопрос стоит о возрождении престижа Российской Армии у молодого поколения, а всякие ролевые игры у молодежи и без того популярны...

– Совершенно верно, Галина Андреевна, – снова вступил в разговор Закревский (*Господи, Галина Андреевна, мысленно застонала Света... и я целое утро не могла вспомнить...*). – Вред один от этих гоблинских игрищ. У меня приятель есть – Вася Дрозд, служили вместе; так он прошлым летом за грибами пошел, где-то за Приозерском... И вдруг эти высказывают, эльфы-хоббиты, ролевка там у них случилась. “Отдай кольцо!” – кричат, а сами с луками, с железками всякими заточенными... А Дрозд хоть в разводе, но обручальное на пальце носит, на черный день и крайний случай. Ну и осерчал он немного, что последнего лишить задумали. Так они, гоблины эти, потом в больнице говорили, что перепутали маленько – шел Вася в зеленой плащ-палатке, палкой папоротники раздвигал – а они какого-то там мага с посохом в засаде поджидали, тоже в зеленом плаще и с Кольцом Власти... А вот еще тоже чудаки по лесам бегают, грибными эльфами себя называют...

Рассказывать всевозможные байки Леша мог долго, но Горловой решил подвести итог дискуссии:

– Сделаем следующее. Никаких, конечно, гоблинов. “Зарницу” будем проводить в два этапа. Первый для младших отрядов – соревнования по военным видам спорта, ответственный Сергей. Посмотрите, что у нас есть из инвентаря: ну... гранаты там метнуть, веревки натяните над водной преградой, что ли, – короче, за два дня определите программу и доложите. Затягивать нет смысла, от смены уже неделя прошла, а еще предстоит Родительский День, и День Нептуна... А для старших отрядов проведем совместно с “Бригантиной” второй тур в форме и с “оружием” – все как положено: патрули, пароли, штаб, дозорные, знамя в секретном месте... Ответственный – Алексей Юрьевич. Продумайте все детали...

– А где мы возьмем эту форму и это “оружие”? – удивился Леша.

– Ну, я звонил утром Боровскому – в “Бригантине” уже три года осенью проводят соревнования по этому... по пейнтболу... Знаете, западный аналог “Зарницы”... Бегают по лесу, играют в рейнджеров, пуляют друг в друга краской... У Боровского осталась и униформа, и муляжи автоматов – им самим хватит, и с нами частично поделятся. А насчет остального количества есть у меня кое-какие идеи насчет спонсоров...

Леша удовлетворенно кивнул – по добыванию шефской и спонсорской помощи Горловой был известным мастером.

– А вас, Галина Андреевна, я попрошу продумать все необходимые церемонии: открытие, закрытие, награждение победителей и тому подобное...

Вот так, просто и буднично, как любил выражаться Горловой: “в рабочем порядке” началась Игра.

Игра в “Зарницу”.

05 августа, 10:48, ДОЛ “Варяг”, шестой корпус.

– А как тебя *обычно* зовут? Тим?

Саму вожатую четвертого отряда, задавшую этот вопрос, по имени, Алиной, называли редко. Чаще к ней обращались образованным от фамилии прозвищем Киса. И оно ей подходило. Восемнадцатилетняя Киса действительно напоминала молоденькую кошечку, еще не забывшую детских погонь за привязанной на нитке бумажной бабочкой...

Невысокую, с короткой стрижкой и с едва заметной грудью, ее часто принимали (особенно наезжающие по выходным родители) не за вожатую, а за отдыхающую в лагере девчонку, причем не из самых старших отрядов... В конце концов ей пришлось носить на груди бейдж – запаянную в пластик карточку, извещающую, что именно она, Алина, является вожатой отряда “Дельфин”.

А еще она была влюблена в Лешу Закревского. Но про это никто не знал. Даже он.

...Белоголовый мальчик стоял рядом с ней, внимательно обводя взглядом пустую палату, и, казалось, не слышал вопроса. Киса повторила:

– Как тебя называют друзья? Тимур?

Мальчик медленно повернулся к ней и сказал без всякого выражения:

– Меня зовут Тамерлан.

Их взгляды встретились; Киса подумала, что у мальчика очень странные глаза – зрачки расширены настолько, что радужки почти не видно, цвет не определить: темно-коричневый? черный? какой-то еще?

После секундной паузы Тамерлан отвел взгляд, продолжив осмотр помещения – кстати, одного из лучших в лагере. Шестой корпус, недавно отремонтированный, с новой мебелью и телевизорами в каждой палате, считался самым благоустроенным. И, по странному совпадению, именно в нем жили дети знакомых Горлового, а также многочисленных спонсоров. В результате два размещенных в шестерке отряда отличались от других большим разбоем в возрасте.

– Здесь три свободных кровати, – помолчав, продолжила Киса, – эта, эта и вон та, что у окна... Можешь занять из них любую.

Белоголовый мальчик Тамерлан равнодушно подошел к ближайшей, стоявшей в углу койке и положил на прикроватную тумбочку небольшую сумку на длинном ремне.

– И это все твои вещи?

– Да. Остальное мне подвезут.

– Хорошо. Со мной ты познакомился, – она машинально коснулась бейджа на груди, – а воспитательницу зовут Елена Алексеевна...

Друзья звали воспитательницу проще – Ленкой Астраханцевой. Но Киса к их числу не принадлежала.

Она ушла, еще раз предложив Тамерлану устраиваться. Ленка сидела на планерке у Горлового, все хозяйство на Кисе – вечная нехватка штатов, второго вожатого в отряде нет.

05 августа, 10:48, окрестности ДОЛ “Варяг”

Он уверенно и быстро полз вверх знакомой дорогой по коричнево-золотистому ущелью, когда путь преградила стена – огромная, подрагивающая, явно живая. Муравей недоуменно потоптался перед не пойми откуда взявшейся преградой и двинулся в обход – на всякий случай, все живое таких размеров легко становится смертельно опасным...

Человек в черном вцепился пальцами в изборожденную глубокими трещинами сосновую кору. И не заметил муравьиных тревог и раздумий, вызванных его негладким вторжением на исхоженную тропу. Он сейчас вообще ничего не замечал вокруг.

Волна яростной, слепящей боли вспыхнула в голове и раскатилась безжалостными кругами по всему телу – он стоял, не в силах шевельнуться, под большой сосной в паре сотен метров за верхними воротами лагеря. Стоял и делал единственное, что мог сделать: ждал, когда подействует капсула убойного заграничного снадобья. Зелье наркотической природы, запрещенное к ввозу в Россию, имело массу накапливающихся побочных эффектов, быстро вызывая привыкание и зависимость.

Человеку в черном такие нюансы были глубоко безразличны. Счет его оставшейся жизни шел на недели, в лучшем случае на месяцы – и он знал это.

Знал и спешил раздать все долги.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Между временем и пространством – I

1.

ОН продирается сквозь запутанный лабиринт, который человеческому глазу может показаться громадным, перекрученным клубком, чудовищной комбинацией бесконечных и разноцветных нитей – но ОН смотрит не человеческими глазами.

ОН видит след, который нашел, поднявшись на Пик-над-Мирами – тонкую, яркую голубую нить, безнадежно и неразрывно перепутанную с десятками и сотнями других; концы ее исчезают совсем уж в диких сплетениях, чтобы вынырнуть, сделать ложную петлю и снова пропасть в пульсирующей разноцветной паутине.

ОН пытается разобраться и понять, где начало и конец этой нити. Не может и рычит от бессилия (нет, не от бессилия, сила переполняет ЕГО и рвется наружу, но здесь она бесполезна) – от осознания несовершенства чужого и чуждого мозга, которым ОН пытается разобраться во всех этих хитросплетениях – там, на нижнем уровне. Поднявшись сюда, наверх, ОН способен лишь убедиться, что нить не потеряна, что внизу ОН – та часть его, что управляет чужим телом – идет правильным путем... ОН не может спуститься вниз, в Мир, во всей своей мощи – вернее, может, но судьба Мира станет тогда незавидной... И недолгой. Даже когда в чуждой и чужой оболочке идет ОН внизу – слабые нити вокруг лопаются одна за одной, рвутся все чаще...

ОН не одинок наверху, в сверкающих джунглях – порой выскакивают небольшие, агрессивные твари, не рассуждающие хищники, атакующие все, что могло бы послужить им пищей; другие, странные и бесформенные сущности, похожие на огромные стуски мрака, скользят своими таинственными путями – и там, где они проходят, не остается уже *ничего*. Первых ОН убивает быстро, почти небрежно; а когда надвигалась сумрачная чернота других, делает так, чтобы они ушли – ЕГО не страшит схватка, ОН уверен в победе, но опасается уничтожить хрупкий след, единственную и бесценную находку за долгие, бесконечно долгие поиски...

ОН останавливается и поворачивает в сторону. Тонкая и яркая голубая нить исчезает в огромном переплетении иных – более коротких и тусклых. Выходящей нити – ЕЕ нити – ОН не видит. Клубок велик... Придется распутывать.

И многие нити лопнут.

2.

Пейзаж мрачный: по низкому багровому небу ползут багровые тучи – но никогда не прольется из них ни капли воды. Бесплодные скалы покрыты поблескивающей спекшейся коркой цвета венозной крови, а зажатое между скалами озеро наполняет жидкий огонь.

Воздух сух и горяч. Да и вообще жарковато – человек смог бы просуществовать здесь весьма недолгое время.

Но тварь, сидящая на берегу огненного озера, на человека похожа мало – красная, под цвет скал, чешуйчатая шкура покрывает ее, защищая от жара; нижние конечности заканчиваются копытами, уверенно попирающими раскаленный камень. Выдвигающиеся когти на четырехпалых руках напоминают размером и остротой кинжалы. Лоб существа неизвестно зачем украшен одним, спирально завитым рогом – за оружие для защиты или нападения его принять трудно.

– ОНА прошла здесь давно, очень давно... – задумчиво говорит тварь на своем языке. Человеческому уху фраза показалась бы оглушительным и немодулированным скрежетом – но большая часть звуков лежит вне доступного для людей диапазона.

След – невидимый простым глазом, и даже огромными фасеточными глазами винторогого – ныряет в озеро, исчезая в сполохах пламени. Когда тут прошла ОНА – здесь находился обычный водоем, или обычная суша, но никак не исполинская каменная чаша, полная огня. И вообще весь этот Мир был иным, светлым и добрым. И другие существа населяли его...

Теперь же никакой из тварей, убивающих и умирающих в жестоком раскаленном Мире, нет здесь прохода. Озеро надежно перекрыло ущелье.

Существо встает на ноги – сидело оно на мощном хвосте, свитом, как и рог, в спираль. Тварь огромна по сравнению со своими собратьями. Впрочем, те в последнее время предпочитают держаться от нее подальше. Их пугает ОН, Нерожденный, какая-то часть которого поселилась временно в этой оболочке – выросшей с тех пор от распирающей ее изнутри силы.

Винторогий идет вперед. Прямо на озеро. Скалы содрогаются – землетрясения здесь часты, но это не землетрясение. Переливающиеся тысячами разноцветных граней глаза существа меняются. Сейчас они похожи на две ослепительных звезды – и никто из рожденных не выдержал бы этого взгляда. Потoki пламени – потоки чистой энергии – льются из глаз существа. Льются вперед, на огненное озеро – и пламя огненных волн кажется тусклым рядом с ними.

Озеро раздается – в стороны, открывая проход. Нерожденный шагает туда.

Скалы шатаются и рушатся за его спиной. ОН не оглядывается. Огромные трещины рассекают берега и дно озера, кипящая лава рвется наружу – но и она под взглядом Князя Ста Имен кажется едва теплой...

ОН миновал озеро и идет дальше. Сзади царит ад.

3.

ОН – какая-то часть ЕГО – все еще пребывает в чешуйчатой шкуре винторогого. Но это ненадолго. Ведущий его след – тонкая, видимая *сверху* голубая нить – стремится к месту, называемому Перекрестком. Мало подобных мест есть (было? будет?) в Реальности. Восемь Миров сходятся там в одной точке – и ОНА могла направить путь свой в любой из семи других. Не могла лишь остаться в этом Мире – иначе никогда бы не стал он таким, каким стал.

ОН останавливается. И стоит долго. Копыта винторогой твари словно вросли в багровый камень. Впереди все *неправильно*.

Впереди высится замок. На самом Перекрестке. Он стоит в низине – но шпили башен поднимаются выше окрестных гор. Его никогда не было там, и сейчас он не должен быть – по-разному течет время, и разным законам подчиняются вещи в восьми Мирах, пересекающихся в одной точке, – внутреннее напряжение разорвет на части любую возведенную тут постройку.

Замка не может быть здесь – однако он стоит. Громадная серая цитадель, увенчанная двумя донжонами-близнецами, нависает над багровым Миром, совершенно чуждая ему, – и над остальными семью нависает тоже.

Странные игры начал кто-то с временем и пространством...

Это не фантом, не видимость – ОН смотрит не глазами и видит, что замок вполне реален. Хотя столь единым и компактным он лишь выглядит – восемь сегментов его протянулись в иные места и времена. Но непонятно чья цитадель реальна и переполнена мощью – тоже непонятной природы. Пронзающему – в здешнем его обличье – трудно сокрушить эту мощь. Явившись во всей силе своей, ОН способен, конечно, превратить эти стены и башни даже не в пыль – в ничто, во вспышку чистой энергии. Но – тогда не станет и голубой нити, исчезающей под серым фундаментом...

Князь Ста Имен принимает решение. Винторогий несколькими прыжками взлетает на вершину ближайшей скалы. Голос его гремит и далеко разносится по багровому Миру.

Других похожих существ нет поблизости от замка – слишком загадочна и опасна мощь его. Винторогие ныне перестали совершать экскурсии через Перекресток в иные Миры – хотя до сих пор бродят там легенды, зовущие их демонами или дьяволами.

И кажется – никто не слышит громовой призыв, от которого содрогаются кровавые скалы, и багровые тучи, – наполненные отнюдь не водой – вздрагивают и быстрее плывут по багровому небу.

Но так лишь кажется.

Голос креатуры, чьими устами вещает Огнеглазый, разносится далеко – и достигает самых потаенных уголков Мира, самого дна самых глубоких пещер.

И – мертвый Мир оживает. В заваленных валунами расщелинах заметно движение. Винторогие существа – по одному, по двое-трое – спускаются в ущелья, рассекшие горы.

Князь продолжает взывать.

Ручейки багровых тварей катятся по ущельям, и в долинах сливаются с другими ручейками, и уже стремительными потоками несутся к замку. Сотни копыт грохочут по камню – и он дрожит под их ударами, рождая звук горного обвала. Но сквозь этот звук слышен шепот – больше напоминающий оглушительный скрежет: “Сокрушающий вернулся... Сокрушающий вернулся...”

...Они идут на приступ, и Пронзающий ведет их. Десятками гибнут твари от валунов, катящихся навстречу – катящихся в гору! – грубые массивные тела сминая и расплющивая камень, еще более грубый и массивный. Сотнями гибнут они от смерчей, летящих от замка – смерчей, в которых вращается не воздух, но потоки энергии – потоки, разрывающие винторогих на атомы...

Кровь их льется на камень – красная, как у людей.

Десятки гибнут – но встают на их место сотни. Гибнут сотни – но спешат встать в строй тысячи. Со всего багрового Мира тянутся колонны восставших по призыву Князя Ста Имен.

И валуны буксуют в грудах мертвых и живых тел. И огромная – но не бесконечная – энергия смерчей-убийц рассеивается над полем смерти.

Тогда хрипло ревет труба – и распахиваются ворота цитадели. Гарнизон идет на вылазку: люди, и винторогие, и другие странные обитатели восьми Миров – их много, и каждый из них не совсем то, чем выглядит – ОН видит это не глазами. Но в чем дело, не успевают понять. Армии сшибаются.

Винторогие дерутся отчаянно. Впервые какое-то подобие смысла появилось в их лишенной Любви жизни – они умирают, пытаются понять: в чем оно состоит? Не успевают и гибнут. Противники не уступают им упорством, и в каждом сидит частица таинственной силы замка. Винторогие гибнут.

Но на их стороне сражается Пронзающий и Сокрушающий Миры – не проигравший за Вечность ни одной битвы. Удары его страшны. Потоки пламени из глаз его прожигают широкие бреши в рядах врагов. Винторогие устремляются туда.

И видит ОН – на стороне защитников замка бьется кто-то, не уступающий ему силой. Князь Ста Имен спешит к нему – по телам павших врагов.

И останавливается в растерянности...

Это ОНА!

ОНА!!!

Но...

Что-то сдвинулось в Реальности, и происходит то, чего быть никак не должно. Никогда и ни под каким знаменем не вступала ОНА в битву, хотя владела силами, не меньшими, чем Пронзающий. Как же...

Пораженный, ОН пропускает удар. Второй. Третий. Кровь хлещет из ран винторогой твари, носящей часть сущности ЕГО. Красная, как у людей...

Глаза лгут, и лгут не-глаза, решает ОН – и атакует как бы ЕЕ всеми силами, что остались у винторогого – и даже чуть большими, зачерпнув их *сверху*.

ОНА исчезает в ослепительной беззвучной вспышке. Нет, не ОНА! – квази-Дарящая, псевдо-Светлая... Очень похожая, но не ОНА... Кем-то и зачем-то сделанная фальшивка.

Чуть позже:

ОН прошел Перекресток, следуя за нитью. Замок повержен. Позади – дымящиеся руины, уцелевшие победители бродят по ним в тоске и странном недоумении. Их жизнь вновь пуста и лишена смысла, им остается лишь снова убивать и пожирать себе подобных... ОН не оглядывается.

Князь снова *наверху* – и прослеживает изгибы нити в новом Мире. ЕМУ кажется, что Дарящей там тоже нет – но, судя по всему, покинула она его не так давно. Мир и его обитатели не успели деградировать до уровня винторогих – но все идет к тому.

Однако – голубая нить теряется где-то здесь. И это странно. ОНА не покидала Мир. ОНА не могла умереть. И – ЕЕ нет внизу. Очередная загадка...

Только что (или века назад, время в том Мире ведет себя иначе) ОН выбрал себе креатуру среди местных обитателей. Не пугающую и отталкивающую своей мощью, как недавно. Этот Мир относительно спокойный. Относительно...

Князь отводит не-взгляд от нити. И видит – не глазами – приближающегося зверя.

Глава 5

05 августа, 13:49, ДОЛ “Варяг”, шестой корпус.

Наступил тихий час.

Название, впрочем, не соответствовало действительности: во-первых, длился тихий час девяносто минут, и, во-вторых, проходил в старших отрядах весьма шумно.

Иные вожатые предлагали отменить этот пережиток прошлого, оставив послеобеденный сон лишь самым младшим. Но СВ и Горловой оставались непреклонны: порядок есть порядок, не хотят спать – пусть сидят в палатах и читают книжки или играют в тихие игры.

Дронт – здоровенный шестнадцатилетний оболтус из четвертого отряда – лелеял на тихий час великие планы.

Он собирался отыграть у своих соседей по палате и неразлучных компаньонов – Михи и Укропа – двадцать семь рублей, утраченных вчера исключительно из-за вовремя не пришедшей карты. Слон, четвертый их приятель, в азартные игры не играл из принципа (и никому, глядя на его литые плечи и пудовые кулаки, не приходило в голову упрекнуть Слона в трусости или попробовать взять “на слабо”). Дронту позарез нужны были деньги, и он торопил Миху с Укропом, расслабленно шагавших из столовой и вяло спорящих о размерах бюстгальтеров встречных девчонок из старших отрядов...

Но оказалось, что в палате Дронта ждет еще одно развлечение, не предусмотренное обычной послеобеденной программой.

– А у нас новенький! – доложил Димка Осиков, выскакивая из палаты и уворачиваясь от ленивой попытки Слона ухватить его за большое, просвечивающее на солнце красным ухо.

На самом-то деле Слон питал к Ослику непонятную слабость, и Димка благоразумно считал, что быть изредка дружески потрепанным за уши – совсем небольшая плата за спокойную и безопасную жизнь за широченной спиной Слона. Но надо сказать, что во вред другим он благосклонностью Слона никогда не пользовался.

Дронт радостно осклабился.

Новенький в середине смены – большая редкость. Нужно ему сразу популярно объяснить, кто тут главный (главным в отряде Дронт считал, понятно, себя). А вечером, после отбоя, надлежит устроить “прописку” по полной программе.

Новенький – невысокий, худощавый белоголовый паренек – стоял у окна, спиной к ввалившимся в палату приятелям. И – не обращал на них внимания. Похоже, его больше привлекала панорама лагеря – вид из окон «шестерки» открывался на редкость красивый.

– Здорово! – широкая ладонь Дронта чувствительно, с размаху шлепнула по плечу новенького.

Точнее, должна была шлепнуть – описала дугу в пустоте, зацепив за подоконник. Отбитые подушечки пальцев заныли. А белоголовый уже стоял лицом к Дронту, глядя в упор, очень внимательно и изучающе...

Пальцы болели, за спиной глупо хихикнул Укроп и одобрительно хмыкнул Слон, единственный в палате успевший оценить быстроту и точность движения новенького.

– Крутой, да? – набычился Дронт.

Миша, протиснувшись между койками, неторопливо подходил к пареньку слева.

А тот, словно и не понимая, что с лету влип в чреватую неприятностями ситуацию, разочарованно отвернулся от Дронта. Медленно обвел взглядом остальную троицу.

– Тихий час, надо спать, – неожиданно поучительным тоном заявил он в результате осмотра. И снова вернулся к прерванному занятию – созерцанию лагеря.

Через минуту, будто вспомнив что-то важное, опять обернулся и зачем-то сообщил обмякшему на койке Дронту:

– Меня зовут Тамерлан.

Дронг, не открывая глаз и продолжая ровно посапывать, согласно кивнул головой.

Алина-Киса спустя двадцать минут заглянула в палату в полной уверенности, что ее обитатели тайком двинули купаться или еще по каким-то своим делам – так безмолвно на тихом часе здесь еще не бывало. И удивилась, обнаружив всю компанию, сладко спящую в одежде и обуви. Слон, поддавшийся сну на несколько секунд позже остальных, вообще тихо похрапывал, лежа поперек кровати – ноги и голова свешивались в проходы.

Худощавую фигурку в нише окна Алина почему-то не заметила.

05 августа, 13:49, ДОЛ “Варяг”, библиотека.

Библиотека выходила окнами на север – и в пасмурные, сырые дни в ней бывало мрачно.

Но сегодня – как и в предыдущие дни – солнце на безоблачном небе напоминало не то о Кара-Кумах, не то о Сахаре. Выходить в послеполуденную жару из прохладной библиотеки не хотелось. Света задержалась, занимаясь какими-то мелкими и, по большому счету, не нужными делами. А потом к ней заскочила Астраханцева – посидеть и поболтать в холодке.

– Нет, ты посмотри, что написал мне вчера Яценко! – Ленка, по обыкновению возбужденная и экспансивная, держала в руке листок из тетрадки в клеточку. – Я на литкружке плановую тему даю, “Что такое счастье?” – сидят, пишут старательно: приносить пользу людям, любить взаимно, мечты свои все исполнить – ну ты сама знаешь... А Кирилл (помнишь его, из моего отряда, спортивный такой, красивый парень...) кладет мне через десять минут на стол этот вот перл и уходит... Ты только послушай:

Сорвать цветок
Небрежною рукою
На ходу
Забыться на секунду ароматом
И уронить под ноги,
Позабыв...
Вот счастье...

– “Забыться” и “позабыв” в соседних строчках не слишком удачно, – сказала Света. – А так очень неплохо.

– Нет, но у парня самомнение, а? Да откуда ему в пятнадцать лет знать, что такое счастье? Цветок ему, понимаешь, сорвать за счастье, растение зазря изгадить... Надо бы его к нам вечером на посиделки пригласить, вдруг у него еще что-нибудь интересное написано, — неожиданно заключила свою критическую речь Ленка.

– А ведь это, наверное, здорово – знать в пятнадцать лет, что такое счастье, – мягко улыбнулась Света. – Даже если ошибаешься... Кстати, про цветы мне тут Лешка Закревский все подробно объяснил: зачем мужчины их дамам дарят и почему дамы этому радуются...

– И почему? – подозрительно спросила Ленка.

К Лешке она относилась настороженно – ее ум и интеллигентность не производили на того впечатления...

– Видишь ли, с точки зрения ботаники, цветы – просто органы размножения растений. Ну а дальше все по Фрейду...

Иногда Света позволяла себе беззлобно подшучивать над Астраханцевой, любившей толковать все – от сновидений до окружающих предметов по Фрейду, Юнгу и другим менее известным светилам психоанализа.

– Пошляк твой Лешка, – констатировала подруга. – Пошляк и старый циник.

Ретроспекция. Викторина.

Репутация пошляка и циника Закревский заслужил в глазах Ленки в начале первой смены. Заслужил своим триумфальным выступлением на устроенной Астраханцевой и Светой кинолитературной викторине.

Викторина – заурядное и проводимое для галочки мероприятие – расцвела пышным цветом от неумной Ленкиной фантазии. Пока Света готовила вопросы, Ленка поставила на уши всех. Начла с неохотой отдала ключи от большого актового зала, обычно пустовавшего до концерта в Родительский День. Подопечные Аллы Богдановны четыре дня, отложив другие работы, дружно готовили оформление и декорации. Меланхоличного монтера и осветителя Володю (дальнего родственника жены Горлового) Астраханцева безжалостно вырвала из вялотекущего запоя — и он уныло настраивал звуко- и светоаппаратуру, подгоняемый ее железной волей и припасенными ею же бутылками с холодным пивом “Балтика”. Закончив с вопросами, Света тоже присоединилась к всеобщей суете и авралу, но до кипучей энергии подружки ей было далеко.

Шоу получилось красочное. Световые и звуковые эффекты Володи подтверждали старую мысль, что мастерство не пропьешь; призы за каждый удачный ответ вручались смешные и неожиданные, вызывая дружный хохот зала; вместо заставок драмкружковцы разыгрывали веселые сценки, пародирующие телерекламу и сочиненные Ленкой.

Заминка случилась на одном из вопросов третьего тура. Вообще-то Света составляла вопросы так, чтобы дать равные шансы командам разного возраста. Но определить произведение, где “одна палочка и семь дырочек победили вражеское войско” не смог никто. Вопрос попал в “мертвую зону”. Старшие уже подзабыли когда-то постоянно крутимый по ТВ полчасовой мультфильм “Заколдованный мальчик”, а младшие гораздо лучше разбирались в диснеевских сериалах.

– Давай мнение зала! – прошипела Володе Астраханцева, раздраженная безмолвием, потянувшимся после отзвучавшей минутной музыкальной паузы, отведенной на раздумья.

Тот, увидев, что Закревский что-то говорит Доктору Пробиркину, без раздумий включил стоявший перед ними микрофон.

– ...Это ведь, Сережа, “Зори здесь тихие”! – на весь притихший зал разнесся звучный Лешкин голос.

Повисло трехсекундное молчание. Первым понял Пробиркин – его залиvistый, высокий смех усилился динамиками и вскоре перешел в истеричное всхлипывание. Следом грохнули дружным хохотом остальные: смеялись вожатые и воспитатели; жеманно хихикали девицы из старших отрядов (парни ржали во весь голос); младшие, хоть ничего и не понявшие, посчитали долгом внести свою лепту, визжа и топя ногами. Володя, все ниже сгибаясь в пароксизме веселья, рухнул наконец на кнопки и рычажки своего пульта – последовавшая светозвуковая какофония еще больше усилила эффект от Лешкиного выступления. Света, пытавшаяся поначалу сдерживаться, тоже в конце концов расхохоталась, отворачиваясь от своего микрофона ведущей...

Не смеялась, неприязненно глядя на Лешу, только Астраханцева – смешить на этом празднике она считала своей прерогативой...

05 августа, 13:57, ДОЛ “Варяг”, библиотека.

– Слушай, Ленка, а отчего бывает склероз?

– Склероз-оз? – протянула Ленка. – По-моему, от старости... возрастные изменения сосудов мозга... У тебя уже начался?

– Нет, но... – Света помялась, не зная как объяснить ей, что... И не стала объяснять ничего.

– Рыбы надо больше кушать. Танакан пить. Замуж, в конце концов, сходить...
Пристроить Свету замуж было давней и заветной мечтой Астраханцевой.

Она вообще обожала знакомить между собой самых разных людей, а также выполнять для подруг роль бесплатной свахи. Правда, удачно ее попытки почти никогда не заканчивались.

Глава 6

05 августа, 14:09, ДОЛ “Варяг”.

“Ну до чего же похож на генерала Лебедея!” – подумала повариха Вера, провожая взглядом высокого, плечистого человека в черной куртке-ветровке. Человек неторопливо вошел в ворота лагеря и двинулся по главной аллее, пересекающей “Варяг” насквозь и проходящей мимо всех корпусов.

Именно черная куртка первой привлекла внимание выскочившей из раскаленного пищеблока Веры – перекурить и глотнуть свежего воздуха (тоже, конечно, не прохладного, но по сравнению с экваториальным климатом столовой вполне приемлемого). Ей, изнывавшей у плиты в натянутом на голое тело коротком белом халатике, показалось диким, что кто-то способен в тридцатиградусную жару существовать в одежде из плотной черной ткани.

Докуривая сигарету, Вера следила: вот гость медленно идет, поглядывая по сторонам, вот остановил одну из вожатых младших отрядов, спешившую по каким-то своим делам...

Их разговора она не слышала, но обратила внимание на странную, напомнившую ей знаменитого генерала неподвижность лица прибывшего. Шевелились лишь задающие вопрос губы; жестикуляция почти отсутствовала, за весь разговор один-единственный жест – волнообразное движение руки в районе шевелюры. Вожатая что-то отвечала, показывая рукой вверх, в сторону БАМа, «пятерки» и «шестерки».

Пришелец кивнул вожатой, попытался улыбнуться – получилось плохо, рот дернулся в незаконченном движении — и неспешно направился вверх по главной аллее. А Вера вернулась на кухню, до полдника оставалось меньше сорока минут.

Человек в черной куртке двинулся дальше.

Он выглядел совершенно чужим и инородным здесь, в залитом солнцем лагере – мысль о том, что у него могут отдыхать тут дети, не пришла бы никому в голову. Почему-то людей с подобной внешностью никак не вообразить любящими папашами, окруженными ребятней.

Человек двигался вперед уверенно и прямо, как танк по детской песочнице – двигался в сторону шестого корпуса; и следующими из увидевших его обитателей лагеря стали Ленка со Светой. Он их, впрочем, не заметил за окнами библиотеки, где подруги обсуждали новенького в четвертом отряде – белоголового мальчика по имени Тамерлан.

– Это сынок одного нового русского, предпринимателя-азербайджанца... – Ленка сама поняла, что сказала странную вещь. – Ну... в общем... богатый у него очень папа.

Света удивилась. Отпрыски действительно богатых семейств отдыхали на лучших пляжах мира, но никак не в бывшем пионерлагере. Даже в «шестерке», считавшейся элитной, жили в основном чада предпринимателей ларечно-павильонного уровня и менеджеров средней руки фирм.

– В общем, это теперь персона VIP в моем отряде; лично СВ предписала его не обижать, не перетруждать, не надоедать, но и не давать скучать.

Аббревиатуру “Эс-Вэ” Астраханцева произнесла так, что Свете подумалось: она подразумевает под этими буквами не “старшую вожатую”, а какое-нибудь менее благозвучное словосочетание. А Ленка продолжала:

– Тем более что парнишка маленько контуженый – зимой копался в компьютере, схлопотал удар током. Жив остался, и все прошло, но вот голова поседела – до этого был черный, как и папочка... А что, вы с ним уже познакомились, откуда такой интерес?

– Да... Встретила их сегодня утром, вместе с отцом и Горловым. Станный случай тогда произошел... с Чубайсом. Никогда ничего похожего не видела...

Ленка раздраженно фыркнула. Кошек она не любила, а Чубайса особенно. Хотела сказать что-нибудь едкое, машинально посмотрела в окно... И замолчала.

...Лицо идущего мимо библиотеки человека в черной ветровке и черных джинсах показалось Астраханцевой незнакомым. Совершенно незнакомым. Но что-то при виде его зацепило, укололо, царапнуло Ленку по восприятию.

Что-то тревожное.

05 августа, 14:18, ДОЛ “Варяг”.

Мальчик по имени Тамерлан выскользнул из шестого корпуса и двинулся вниз по склону, в сторону центральной части лагеря. Шел напрямик, игнорируя бетонные дорожки и протоптанные тропинки. Откос там, где он спускался, был крутой и неровный, но белоголовый мальчик шагал легко и непринужденно, словно прогуливался по самому удобному для променада месту.

Целью его похода стал небольшой деревянный домик, живописно затерянный в разросшихся кустах жасмина.

Тамерлан неторопливо обошел строение вокруг. Внимательно и заинтересованно изучил сверху донизу, как будто имел дело с уникальным произведением деревянного зодчества. Но дом никаких архитектурных изысков не имел, а имел три выходящие наружу двери – за ними размещались небольшие квартирки для работников лагеря (комнатка с прихожей, без санузлов и кухни).

У третьей двери мальчик остановился, сжал в ладони дверную ручку и замер с полузакрытыми глазами. Но никто, будь у этой сцены зрители, не назвал бы его позу нерешительной – скорее подумал бы, что стоит он уверенно, а если взялся за ручку и медлит распахнуть дверь – значит, так и надо.

Затем началось странное.

Замок щелкнул раз, другой – казалось, что его отпирали изнутри, не дождавшись от застенчивого гостя ни звонка, ни стука. Дверь приоткрылась – но никто за нею не стоял. Тамерлан шагнул внутрь.

...Занавески были задернуты, но неплотно – яркий солнечный свет врвался в щели лучами театрального прожектора, освещая отдельные детали обстановки – другие тонули в полумраке, почти не различимые. Впрочем, мальчику видимых неудобств это не доставило. По мере того, как он скользил взглядом по комнате, зрачки его сокращались и расширялись, – почти мгновенно.

Комната роскошью не блистала: стол с настольной лампой, двухстворчатый шкаф, тумбочка. Аккуратно заправленная кровать. На столе стопочка книг и фотография – черно-белый портрет в застекленной деревянной рамке – именно он привлек внимание Тамерлана. Он подошел, взял снимок в руки, долго разглядывал изображенную на нем женщину. На вид лет пятьдесят, приятное, немного усталое лицо, – в общем, самая обыкновенная фотография. Но мальчик всматривался и всматривался в нее... Потом положил на стол, поднес к портрету ладонь. Низко, почти касаясь стекла, подержал руку над снимком, закрыв глаза. Покачал головой...

Снял со стены другую фотографию – простенькую, без рамки, наверняка сделанную “мыльницей”. Эта изображала улыбающуюся Свету на фоне сосен и озера. Тамерлан положил ее рядом с портретом – в лицах двух женщин явно просматривалось фамильное сходство.

Он повторил манипуляцию с низко опущенной ладонью, вновь закрыв глаза. Недоуменно пожал плечами. Отошел от стола и застыл на середине комнаты, так и не открыв глаз. Простоял несколько секунд неподвижно. Затем стряхнул оцепенение и быстрыми, уверенными движениями восстановил статус-кво.

Уже двинувшись к выходу, он еще раз окинул взглядом комнату. Вернулся к столу и перевернул белеющий рядом с лампой лист бумаги. С обратной стороны обнаружилась записка.

МЕНЯ ЗОВУТ СВЕТА. СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА ПОЛЛАК. Я РАБОТАЮ ЗДЕСЬ, В ЛАГЕРЕ “ВАРЯГ”, БИБЛИОТЕКАРЕМ.

...Выйдя из домика и притворив дверь, Тамерлан недолго постоял на низеньком крыльчике, на этот раз даже не притрагиваясь к ручке – замок сам собой дважды щелкнул, запираясь.

Потом мальчик негромко сказал:

– Это она. И – не она.

05 августа, 14:23, окрестности ДОЛ “Варяг”.

В огороде опять кто-то побывал. Похозяйничал. Пошуровал. Неторопливо и уверенно. Именно – по-хозяйски. Как говорят – с расчетом на длительную перспективу...

Федор Павлович стоял неподвижно, на лице эмоций не проявлялось. Но внутри набирал силу шторм. Ураган. Тайфун с ласковым женским именем. Тайфун Эриния. Или – тайфун Фурия. Или – Немезида. Или Медуза Горгона. Федор Павлович любил читать на досуге греческие мифы – во “взрослых” переводах.

Федор Павлович Обушко, завхоз ДОЛ “Варяг” (на одолженном именно у него велосипеде Пробиркин совершал свои утренние прогулки) был сухоньким старичком на исходе седьмого десятка.

Завхозом он стал три года назад, вновь вернувшись к трудовой деятельности после нескольких лет беззаботного, но и безденежного пенсионерского житья.

Конечно, зарплата завхоза, как и прочих сотрудников, была в “Варяге” символической. Но проработавший не один десяток лет на материально-ответственных должностях Федор Павлович хорошо умел обращать свой богатейший опыт в ощутимую прибавку к жалованью.

Горловой, тоже не вчера родившийся, об одних его комбинациях знал, о других догадывался, а третьих не мог вообразить и при самом смелом полете фантазии – но смотрел на всё сквозь пальцы. Завхозу кристальной честности, что ни говори, надо платить столько, чтобы увольнение и потеря зарплаты казались самым страшным наказанием.

А у Обушко, тертого калача, отчетность всегда пребывала в идеальном порядке и ни одна проверка никогда не обнаруживала недостатков подотчетных ценностей... Да и то сказать, в подпольные Корейко он не метил, всю жизнь брал *по чину*, и в результате благополучно избежал как тюремных нар, так и, уже в рыночные времена, карьеры нового русского.

Спокойная жизнь в “Варяге” Павлу Федоровичу нравилась главным образом из-за того, что окружали его здесь люди молодые, реже среднего возраста, – общество сверстников, где любимыми темами разговоров служили свои и чужие болезни да прибавки к пенсии, Обушко тихо ненавидел.

Единственной потерей, о которой сожалел завхоз, вернувшись к трудовой деятельности, стало огородничество на шести сотках – пристрастился за годы пенсионерского житья. Сотки, конечно, никуда не делись, но на беду участок Павла Федоровича с небольшим аккуратным домиком находился в сотне километров к югу от Петербурга. “Варяг” – чуть ближе. Но к северу.

До родных грядок удавалось добраться только в сентябре, после окончания сезона в лагере – как раз все поспевало и работы было невпроворот, но три долгих месяца Обушко тосковал по утраченному хобби.

И на третье свое лето в “Варяге” завхоз-огородник не выдержал. Последней каплей, переполнившей чашу его терпения, стал универсальный мотоблок. Сей агрегат привез откуда-то Горловой в качестве шефской помощи (а может, какой-нибудь папаша расплатился таким образом за пребывание чада в течение пары смен в лагере – бартер путевок начальник практиковал широко).

Сверкающая никелем и яркой краской заморская игрушка с кучей насадок и приспособлений чего только не делала: пахала, рыхлила и культивировала; качала воду и пилила дрова; косила сено и легко возила увесистый прицеп...

Вернее, все эти разнообразнейшие вещи мотоблок мог выполнять потенциально – на деле Степаныч заводил “Ранчера” лишь несколько раз в сезон – подстричь газоны или напилить дров для душевой (котельную, работающую на угле, запускали редко, — если август выдавался холодным).

А Федор Павлович мечтал применить чудо заморской техники по прямому назначению – и этой весной он распахал-таки мотоблоком небольшую, на пару соток, укромную полянку неподалеку от лагеря.

Мини-плантацию надежно укрывали от посторонних глаз густо росшие молодыми березы и рябины, к тому же лежала она в стороне от натоптанных троп и дорожек, и завхоз надеялся, что с внеплановыми визитами молодого поколения проблем не возникнет. Их и не возникало – до тех пор, пока не начал поспевать урожай.

Тогда проблемы появились.

05 августа, 14:36, ДОЛ “Варяг”, комната физрука Закревского.

Вот, значит, как. Вспомнили. Опять труба зовет... Только зов ее звучит фальшиво для обманутых не раз ушей.

Леша Закревский вынул из-под панцирной койки коричневый чемодан, наверняка помнивший семилетку и совнархозы, и стал возиться с замком – тот опять заклинился, имелась у этой железяки такая нехорошая привычка...

Вот оно как... Всех, значит, в ряды... Всех, кто из рядов разбежался. Послужите уж еще раз, ребята. А то беда – совсем воинов не осталось. У общечеловеческих ценностей тоже, оказывается, враги есть – а защищать их некому. Некому тех врагов по сортирам мочить... И воинов учить – некому. Что десять лет растили – то и получили. Худосочных виртуально-компьютерных альтернативщиков, которым милее выносить вонючие утки, чем защищать кого-то и что-то...

Замок лязгнул, чемодан раскрылся. Новенькая, ненадеванная тельняшка. Берет. Аккуратно сложенный камуфляж. Старший лейтенант ВДВ. На груди – пара официальных к чего-то-там годовщинам медалек и серебряный казачий крест – за Боснию.

Вот так. Думал – не понадобится. Думал – все, отвоевался. Даже второго августа – не доставал. Когда новый всенародно избранный звал в ряды (эх, замочим по сортирам!) и сулил великие деньги контрактникам – не пошел, не поверил, сколько же можно верить... И – грустно смотрел по ящику на очереди у ворот в/ч за кровно (нет – кровью!) заработанными... Очереди опять поверивших.

Не пошел... Но война догнала и здесь. Пусть игрушечная. Ладно. Поиграем. Повоюем.

Пошляк и циник Закревский пока еще не осознал одну простую вещь: он поверил.

Опять – поверил. Потому что хотел верить...

В дверь постучали. Негромко, но уверенно.

– Не заперто, входите, – откликнулся Леша.

Вошел Тамерлан.

– Привет, – сказал Закревский, ничуть не удивившись. К нему часто заходили ребята – посидеть, поболтать.

– Привет. Меня зовут Тамерлан.

– А меня Алексей. – Он протянул руку. Пожатие худощавого мальчишки оказалось неожиданно сильным. – Присаживайся. Стульями не богат, садись на койку, хоть на службе и не принято... Новенький?

Тамерлан молча кивнул, сел. Потом спросил, показав на лежащую рядом форму:

– На войну?

– Не совсем... Будем вас, пацанов, учить воинскому делу.

– Воинскому... Убивать других и ждать, когда убьют тебя...

Леша неодобрительно поглядел на мальчика. Ишь, пацифист малолетний... Сколько же их сейчас, таких. Поздно спохватились, поздно... Но все равно, надо драться. За каждого мальчишку – надо.

– Дело война не убивать, – сказал Закревский. – Побеждать. А победа бескровной бывает не всегда. Порой приходится платить жизнями. Чужими, своей... Надеюсь, ты не планируешь жить вечно?

Тамерлан улыбнулся и не стал делиться своими планами по этому поводу.

Закипел электрочайник – старинный, помятый, со свистком.

– Чай будешь? – прервал Закревский наметившуюся дискуссию.

– Буду.

Леша разлил кипяток в две алюминиевых кружки, опустил пакетики с заваркой, достал пачку кускового сахара, но себе не положил. Мальчик, впрочем, тоже.

Закревский внимательно посмотрел в его темные глаза и они показались не детскими. Приходилось ему видеть похожие – у детей, бывавших под обстрелами и бомбежками. Судя по типу лица – паренек с Кавказа. Не исключено, что тоже хлебнул всякого... А редкий белый цвет волос может оказаться сединой.

Тамерлан протянул руку за кружкой, поднял вверх:

– За победу!

Странно, но старый фронтовой тост не показался Леше неуместным, – здесь и в устах двенадцатилетнего мальчика.

– За победу! – откликнулся Закревский. Он тоже поднял свою кружку – и чуть не выронил, обжегшись. Черт, горячая... И как пацан-то держит?

Тамерлан держал кружку непринужденно. И спокойно пил чай длинными глотками. Не отрываясь, смотрел бездонно-темными глазами на Закревского. Они, глаза, притягивали взгляд, особенно светлое, неправильной формы пятнышко в одном из зрачков.

Пацану можно будет гипнотизером работать, подумал Леша. Как говорили в старое время: магнетический взгляд. Интересно, зачем он пришел? Попить чаю? Мальчик отставил опустошенную кружку, пожал плечами и перестал бурлить собеседника взглядом. И спросил:

– Я сегодня был в библиотеке. Хотел записаться – закрыта. Видел табличку с именем библиотекаря: Светлана Игоревна Поллак. Она иностранка?

Да и у тебя имечко не самое славянское, подумал Леша. И отчего, интересно, возникло любопытство к национальности библиотекаря? Какая разница, кто тебе книги выдавать будет?

Тамерлан, казалось, услышал невысказанный вопрос.

– У моего отца есть знакомые в Америке, Поллаки. И я подумал...

Ладно, решил Леша, все равно Светка никакого секрета из происхождения своей фамилии не делает. И сказал:

– Боюсь, в лучшем случае Светлана Игоревна тем американским Поллакам лишь самая дальняя родственница. Седьмая вода на киселе. Она наша, российская, здесь родилась и выросла. А вот ее бабка действительно оттуда. В войну работала переводчицей в Мурманске, в американской миссии, что поставками по ленд-лизу занималась. Влюбилась в нашего офицера, ну и... Вот и весь секрет.

– Я читал, что в те годы такая любовь добром не кончалась.

– И здесь не кончилась, – помрачнел Леша. – Светин дед за связь с иностранкой загремел в лагерь, да так и не вернулся. Но Сару Поллак не тронули. В пропагандистских целях. То есть, значит... – Леша замаялся, вспомнив вдруг, что говорит не со взрослым, но с мальчиком лет двенадцати-тринадцати.

– Я знаю, что это значит. – Тамерлан неожиданно поднялся. – Сюда идут. Женщина. Пойду, не буду вам мешать. До свидания.

– Да ты не ме... – начал было Леша, никаких женских шагов не услышавший.

Но мальчик уже выскользнул за дверь. Через секунду-другую в коридоре действительно зацокали, приближаясь, женские каблучки.

Кто бы это мог быть? – подумал Закревский. Наши-то дамы все больше в кроссовках да шлепанцах, туфли днем редко носят...

Глава 7

05 августа, 14:45, ДОЛ “Варяг”, комната физрука Закревского.

– К тебе можно? – спросила предсказанная Тамерланом женщина.

Это оказалась Киса, она же Алина, – вожатая четвертого отряда. Леша взглянул на нее удивленно – принаряжена, туфельки на высоком каблуке, макияж... На сегодняшнюю дискотеку собралась? Так вроде рановато...

– Привет, проходи, – улыбнулся он. – Присаживайся. Чаю хочешь?

Над этим вроде простым вопросом Киса задумалась – и не ответила. Окинула взглядом раскрытый чемодан, выложенную на койку форму...

– На войну собрался? – В совещании у Горлового Алина не участвовала и про “Зарницу” еще не знала.

Леша подумал, что разговор начинает почти дословно повторять закончившийся только что, – с мальчиком Тамерланом. И ответил по-другому:

– Ага. Наше дело солдатское. Получен приказ – после огневой подготовки занять “Бригантину”, подавить узлы сопротивления противника, произвести жесткую зачистку... А ихнего начлага Боровского взять живым и доставить в расположение части.

Киса посмотрела на него не то чтобы обиженно, – но как будто ждала чего-то другого. И он добавил серьезно:

– Игра будет, “Зарница”. Между нашими лагерями. Ты, наверное, такой и не помнишь, не застала...

Он подумал, что опять, пожалуй, сказал не то. Алине не нравилось, когда он в разговоре подчеркивал ее молодость. А себя, Свету, Ленку, даже Пробиркина, – относил к другому поколению.

Киса осторожно прикоснулась к серебряному кресту. Спросила:

– Еще не наигрался? – Прозвучало это резковато.

Наверное, в его выражении лица что-то изменилось, и изменилось не в лучшую сторону, потому что она тут же добавила:

– Извини...

Он заставил себя улыбнуться. Получилось с трудом.

– За что? Ты же не виновата, что последние пятнадцать лет нам старательно вколачивают в головы: служить Родине надо, вынося утки за больными, а война не то гигантская компьютерная игра, где у каждого куча запасных жизней, не то серия телерепортажей, персонажем которых ты никогда и ни за что не станешь...

– А что пытаешься вколотить в головы мальчишкам ты? Что отправиться в чужие горы и вернуться в цинковом гробу – мечта любого мужчины?

Леше было не в новинку слышать такие речи. Многие из персонала лагеря попрекали его за милитаризм. Алина завела подобный разговор впервые.

– Насчет мечты не знаю. Каждый мечтает о своем. Но иногда приходится идти на войну – в чужие горы, или в джунгли, или в пустыню – и тогда надо уметь побеждать. Этому и учу.

– Но зачем?! Зачем нам победы в чужих джунглях и горах? Наши деды победили немцев – а теперь, кто дожил, получают гуманитарные подачки из Германии. И берут – чтобы не голодать. А внуки продают их ордена на блошинных рынках Европы... Я была в Польше, сама видела... Кому и зачем нужны твои победы?

Леша на секунду задумался. Потом предложил:

– Знаешь что? Давай отложим этот разговор. На пару дней. Хочу показать одно место, тут неподалеку. Я своих пацанов каждую смену туда вожу. Многим там становится понятней – зачем ходят на войну.

Что же за таинственное место? – заинтриговано подумала Киса. Вроде нет поблизости никаких мемориалов и музеев боевой славы... Но кивнула утвердительно: сходим.

Закревский продолжал:

– А что касается меня – то я наигрался. С лихвой. С избытком. Но если будет надо – за спинами нынешних мальчишек прятаться не буду, не беспокойся. Выступлю играющим тренером.

В его последних словах сквозила обида.

Киса смотрела ему в глаза, губы ее шевельнулись, словно она хотела сказать что-то еще, но не сказала. Леше показалось, что глаза ее подозрительно поблескивают.

Черт возьми, опять что-то не то ляпнул, смущенно подумал Закревский, совершенно я разучился общаться с восемнадцатилетними девушками, заладил про войну, а ей ведь совсем о другом говорить хочется, и делать совсем другое, и это правильно, каждому свое, а когда знаешь, что тебя ждет такая вот Киса – пройдешь сквозь всё, и вернешься обязательно... а по уму, надо бы пригласить ее на сегодняшнюю дискотеку, и... ладно, сиди уж, старый пень, куда тебе в тридцать два года с ней, не смейся народ...

Алина все смотрела на него, и он чувствовал – ждет чего-то, и не знал, что должен сказать. Не выдержал, отвернулся, стал заваривать чай, – хотя сам больше не хотел, да и Киса желания не высказала.

Она заговорила, глядя ему в спину, так было легче.

– Леша... Я не хотела тебя обидеть, извини... Просто... Я ничего не знала про эту дурацкую игру, увидела чемодан, форму – и подумала, что ты опять... собираешься *туда*... И мне стало страшно, потому что... потому что...

Она набрала полную грудь воздуха, словно готовилась нырнуть в холодную воду, и выпалила в лицо Закревскому, уже снова развернувшись к ней:

– Потому что я люблю тебя, дурак!

Он молча смотрел на нее, и Алина не понимала значения взгляда.

– Я смешная и глупая, да?

Вот тут бы и надо сказать, подумал Закревский, что ты вовсе не смешная, и уж тем более не глупая; нет, ты – хорошая, ты милая; нет, нет, нет! – все не то – я не знаю, какая ты, но какой бы не была – ты лучшая... Но он так не умел, и сказал с обычной своей улыбкой:

– Ну конечно же, ты на редкость смешная. И при этом ужасно глупая.

Она шагнула к нему, она слышала только то, *как* это было сказано, – а голос ласкал и звал, говорил не то, что слова – и через мгновение они стали не важны и не нужны...

Спустя несколько минут – пока Закревский переводил дыхание – Алина скользнула к двери и решительно задвинула щеколду.

05 августа, 14:59, ДОЛ “Варяг”, берег озера.

Плаврук Пробиркин занимался своим прямым и непосредственным делом – руководил процессом обучения плаванию.

Тихий час закончился, и у Доктора проходило занятие с малышкой из одиннадцатого отряда (врач Нина Викторовна разрешала им купаться лишь после обеда, когда вода достаточно прогрелась).

Занятие – после десятиминутной разминки на суше – происходило в купальне-“лягушатнике”, тридцатиметровом дощатом сооружении, утонуть в котором даже теоретически не представлялось возможным.

Истомленные зноем малыши, с завистью поглядывавшие на купавшиеся с утра старшие отряды, ринулись в воду с визгом и дикими воплями, – как степная орда на взятый приступом город. Акватория “лягушатника” стала напоминать густо заправленный суп, фрикадельки в котором страдают буйным помешательством...

Пробиркин, понятно, в этот содом не полез – расхаживал по деревянному настилу, отделявшему купальню от озера, и упорядочивал броуновское движение: уворачивался от взлетающих во все стороны фонтанов воды, пытался перекричать вопящий хор, дул в заливистый судейский свисток, – и завидовал Леше Закревскому, на занятиях которого подобный бедлам отчего-то никогда не случался.

Наконец относительный порядок был восстановлен. Посчитав, что водная разминка выполнена и перевыполнена, плаврук перешел непосредственно к упражнениям.

Проводить занятия Доктор любил, несмотря на почти полное отсутствие педагогических способностей. И сейчас, командуя своими “лягушатами”, не на шутку увлекся, не обращая внимания на происходящее вокруг купальни.

Как на настиле, рядом с ним, оказался худощавый белоголовый паренек, Пробиркин не заметил. Увидел его краем глаза, когда мальчик находился уже в нескольких шагах, – и опять не обратил внимания. Плаврук как раз дошел до упражнения “поплавок” – смотрел на тридцать покачивающихся на поверхности спин и попок (голова и обхваченные руками колени скрывались под водой), мысленно и аккуратно отсчитывал секунды, стараясь, чтобы разные по длительности произношения числа звучали – точнее, беззвучно произносились, – за примерно одинаковые промежутки времени. Секундомер Пробиркин сегодня опять забыл, такое с рассеянным Доктором случалось часто.

– Меня зовут Тамерлан, – сказал мальчик.

– Очень приятно, – машинально ответил Пробиркин, на секунду обернувшись к нему и считая про себя: че-т'ре... пя-ать... ше-есть...

Потом попытался вновь повернуться к “лягушатнику” – и не смог. Что за... Мышцы шеи казались парализованными. Доктор попытался развернуться всем корпусом – но и ноги, и все тело, похоже состояли с шеей в заговоре, – и никак не отреагировали на команду мозга.

Мысли металась в голове короткие и бессвязные – и параллельно продолжался отсчет секунд:

Что со мной?

во-семь... де-вять...

Перегрелся?

де-сять... один'-цать...

Солнечный удар?

двен'-цать... трин'-цать...

Пора им выныривать...

ч'тыр'-цать.. пятн'-цать...

На счете “шестнадцать” Пробиркин обнаружил, что глазные мышцы ему подчиняются – и скосил глаза на купальню. От увиденного у него перехватило дыхание. В самом прямом смысле слова. Горло словно сдавила невидимая петля.

В “ЛЯГУШАТНИКЕ” НЕ ВЫНЫРНУЛ НИКТО!!!

Теоретически, упражнение “поплавок” рассчитано на задержку под водой дыхания на десять-двенадцать секунд. Но из практики Доктор знал, что уже через пять-шесть секунд многие не умеющие плавать и боящиеся воды малыши выныривают.

СЕЙЧАС НЕ ВЫНЫРНУЛ НИКТО!!!

На поверхности по-прежнему виднелись загорелые спины и разноцветные трусики.

дв'дцать два... дв'дцать три...

Да что же происходит?! И с детьми – тоже?! Доктор хотел закричать и не смог. Хотел прыгнуть в лягушатник – и остался на месте. Лишь глаза бешено вращались в орбитах.

Белоголовый мальчик с любопытством наблюдал за пантомимами Пробиркина. Потом сказал:

– Я буду спрашивать. Ты будешь отвечать.

Прозвучало это без особых эмоций. Как простая констатация факта.

Пробиркин слова услышал – но совершенно не понял их смысла. Таймер в его голове продолжал отсчет: тр'дцать пять... тр'дцать шесть... Доктор чувствовал, как под спортивным костюмом, по спине, сбегает липкие струйки пота. Взрослый человек может продержаться под водой и минуту, и две, и больше... Но дети восьми-девяти лет? С гораздо меньшим объемом легких?

Он скосил глаза еще сильнее. Неужели никто на берегу не замечает, что в “лягушатнике” творится неладное?! Но увидеть берег из этого положения Пробиркину не удалось. Плаврук пытался издать хоть какой-то звук, хоть как-то привлечь внимание – ничего не получалось.

– Ты давно знаком со Светланой? – спросил Тамерлан.

Вопрос снова прошел мимо сознания Доктора – так, по крайней мере, тому показалось. Механический голос в голове произнес отчетливо, уже не глотая звуки: ШЕСТЬДЕСЯТ.

Всё, понял Пробиркин. Конец. Никто не вынырнул... И уже не вынырнет. Одиннадцатый отряд в полном составе утонул непонятным образом в безопасном лягушатнике... Утонул из-за него, плаврука... Остается одно, подумал Доктор. Выбрать камень потяжелее и...

Больше ничего подумать он не успел.

Губы, гортань, язык, – короче говоря, весь речевой аппарат Пробиркина пришел в движение. Совершенно против его воли – точно так же, как только что против воли пребывал в безмолвии.

– Со Светой я знаком с июня, – сказал Доктор, и продолжал говорить, говорить, говорить что-то еще, не понимая, *что* и *зачем* говорит. Расширенные от ужаса глаза смотрели на усеянный детскими трупиками “лягушатник”...

Тамерлан внимательно слушал.

05 августа, 15:01, Выборгское шоссе.

План родился у него мгновенно.

Родился на месте, в лагере – после того, как человек в черном узнал все, что хотел. Родился при взгляде на огромную, вековую сосну, раскинувшую руки-сучья у волейбольной площадки...

Теперь надо все тщательно просчитать и еще более тщательно подготовить. Прокола быть не должно. Здесь – не должно. Последний долг он отдаст красиво...

Губы кривила усмешка – страшная. Нога давила акселератор. О том, что все может закончиться совсем не так – прямо сейчас, если его *прихватит* за рулем, на полном ходу, – черный человек не думал.

Он улыбался. Он был счастлив. Он был жив.

Пока – жив.

05 августа, 15:03, ДОЛ “Варяг”, берег озера.

И отчего у меня в голове засел этот новорусский (вернее, новоазербайджанский) парнишка? – подумала Света. Влюбилась, может? – невесело улыбнулась она собственной шутке. Шутки тут была лишь доля, всякие истории случались порой между парнями из старших отрядов и их вожатыми и воспитательницами, бывшими зачастую всего на три-четыре года старше своих воспитанников...

Со Светой, впрочем, такого не бывало. Но чем-то белоголовый мальчик по имени Тамерлан ее зацепил.

С этими мыслями она заперла библиотеку, вышла на улицу.

Дневная жара была в разгаре, и Света двинулась к своему коттеджику кружным путем, вдоль берега, здесь с озера тянуло хоть какой-то свежестью. Прошла мимо лодочного причала с прикованными здоровенными ялами – на них порой совершались экскурсии на остров, хотя

ничего особо примечательного там не имелось – сосны, песок да непомерное количество чайных гнезд. Посмотрела, как в кристальной воде гоняется за мальками крохотный, с ложку размером, шуренок. Подходя к детскому пляжу, решила заскочить за купальником и тут же сходить искупаться...

В общем, про Тамерлана и свой не совсем объяснимый к нему интерес Света на время позабыла.

Но тут же вспомнила.

Увидела, как приметный издалека белоголовый мальчишка приблизился к Пробиркину, с важным видом расхаживающему по настилу купальни и руководящему “лягушатами”. Коротко спросил Доктора о чем-то, развернулся и пошел обратно. С “лягушатника” на берег была перекинута над мелководьем широкая четырехметровая доска – дабы не мочить зря ноги тем, кто раздевался на купальне. Но мальчишка к ней не подошел, срезал путь, перемахнув пресловутые четыре метра ловким прыжком почти без разбега.

Спортивный паренек, Лешке понравится, – подумала Света. Ей показалось, что на берегу Тамерлан внимательно посмотрел в ее сторону. Но, может быть, лишь показалось, – расстояние было изрядным. Интересно, что за дела у них с Пробиркиным? – думала Света, медленно приближаясь к “лягушатнику”, – вязкий сыпучий песок быстрой ходьбе не способствовал.

Тут Доктор как раз закончил занятие и решительно погнал свою голоногую команду на берег, игнорируя просьбы покупаться “еще совсем-совсем чуточку”. Подошедшая Света спросила у него, словно бы между прочим, стараясь говорить равнодушным тоном:

– Ты уже познакомился с новеньким? Колоритный паренек, правда? В Ленкином отряде будет...

Пробиркин, всегда отличавшийся болтливостью, а в общении со Светой в особенности, просто обязан был сейчас рассказать, зачем и для чего подходил к нему Тамерлан.

Не рассказал.

– Новенький? А-а... ну да... – неопределенно протянул Доктор.

Черные волосы его были, как обычно, всклокочены. Глаза смотрели несколько диковатым взглядом – тоже как обычно.

– А что он от тебя хотел? – спросила Света.

– От меня? Ну... в общем... как бы сказать... – замямлил плаврук, потом произнес с видимым облегчением: – Да, точно, просил записать в его команду по плаванию, на День Нептуна, вот...

Врет, с удивлением поняла Света. Совершенно точно врет. Неумело, но старательно. Интересные дела... Больше ни о чем она спрашивать не стала, пошла к себе, в крайней степени заинтригованная.

Пробиркин не врал. Почти не врал. Он абсолютно не помнил, о чем спросил у него мальчик со странными белыми волосами. Какое-то секундное помутнение сознания... На жару бывает.

Глава 8

05 августа, 19:21, ДОЛ “Варяг”, укромное место.

На дискотеку Дронт и компания отправились отнюдь не к началу.

Толкаться среди сопливой малышни из младших отрядов им не хотелось, и приятели коротали время, развалившись на стульях-чурбаках вокруг круглого столика. Ожидали, когда в половине девятого малышей уведут их вожатые.

...Местечко было укромное, с трех сторон окруженное густым шиповником – курили открыто, но пару двухлитровых пластиковых бутылок с пивом Миха на всякий случай замаскировал в кустах.

– Ну если тока нынче бригааны припрутся, мало им в натуре не будет...

Эту мысль присутствующие слышали сегодня неоднократно в самых разных вариациях, и на реплику Дронта никто не отреагировал.

Юные обитатели “Варяга” и “Бригантины” никогда не ладили – близким соседям (лагеря разделяло три километра) всегда есть что не поделить. Корни давней вражды уже никто не смог бы припомнить, но каждое лето старожилы, выезжающие отдыхать не первый сезон, передавали новичкам наряду со многими другими и эту традицию – решать кулаками все спорные проблемы. Например, кому исконно принадлежит святое право купаться в тихий час, тайком от вожатых, на равноудаленном от обоих ДОЛов очень живописном озере Чашка.

К тому же в последние годы в застарелую неприязнь стали вплетаться и социальные мотивы.

“Варяг” по-прежнему принадлежал судостроительному заводу, успешно преодолевшему все кризисы и выполнявшему все больше работ для российских и иностранных заказчиков. Времена массовых сокращений, задержек зарплаты и вынужденных неоплачиваемых отпусков остались позади – один только долгосрочный контракт на изготовление танкеров для известной нефтяной компании обеспечил корабелов работой и деньгами на десять лет вперед.

Соответственно, и “Варягу” финансовые трудности не грозили.

“Бригантина” же – в оные времена отпочковавшаяся от “Варяга” и впоследствии перешедшая в муниципальную собственность, жила гораздо беднее.

И контингент там подобрался несколько иной: направленные ИДН² трудновоспитуемые подростки; дети беженцев из разных уголков бывшего Союза; ребята из неполных семей, отдыхающие за казенный счет.

Конечно, солнце, воздух и вода были одинаковыми в обоих лагерях, но о стакане натурального сока каждый полдник вместо подкрашенного содой чая “бриганы” могли лишь мечтать. И о телевизорах в палатах. И о приглашении дважды в неделю на дискотеки настоящего DJ-профи...

«Бриганы» и мечтали, а “варягов” считали буржуями, недобитыми по большому упущению, – и всегда были готовы эту оплошность исправить.

Со своей стороны, варяги отвечали им полной взаимностью.

– Ну что, откроем? – Укроп кивнул на пиво и достал несколько вложенных один в другой одноразовых стаканчиков.

– Рано, – солидно ответил Дронт, – весь кайф выветрится.

– А ты “Моментом” занюхай, – невозмутимо посоветовал Слон. Как всегда, трудно было понять, серьезно он говорит или издевается со спокойным лицом.

– Ты чё, дурной? – возмутился Дронт, – “Момент” уж год как беспонтовый – формулу поменяли, тока кумпол трещит – а кайфа нету...

² ИДН – инспекция по делам несовершеннолетних.

– То-то у “Бригантины” все кусты пустыми тюбиками завалены, – усомнился Миха, не вдаваясь в подробности, чем он в тех кустах занимался.

– Может, они там мазохисты все, может, им головная боль нравится, – философски предположил Слон.

– Я им покажу мазохизм, – в который раз за вечер пообещал Дронт. – Эти чмо у меня раком встанут и говно жрать будут, и добавку клянчить...

На прошлой дискотеке из кармана куртки Дронта, висевшей в гардеробе, испарился плеер, неосторожно там оставленный. В пропаже приятели обвиняли визитеров из “Бригантины”, заскочивших по-соседски в тот вечер.

Дронт пылал жаждой праведной мести. Миха, всегда с ним соглашавшийся, тоже был готов мочить бригагов — хоть в сортирах, хоть на свежем воздухе. Трусоватый Укроп считал, что связываться с отморозками не стоит. А что думал по этому поводу Слон, он никому не сообщил.

– Ты, Укропина, в натуре, их наружу вымани, в-о-о-н туда, – Дронт махнул рукой в сторону маленькой рощицы на задах лагерного клуба.

Местечко казалось подходящим для мужского разговора в непринужденной обстановке, свет от фонарей туда не доставал и пешеходные дорожки поблизости не проходили.

– А если не выйдут? – кисло поинтересовался предназначенный на роль живца Укроп.

– Придумаем че другое. Лишь бы приперлись нынче...

Дронту больше всего хотелось взять толстый березовый кол и повстречать обидчиков на полпути между лагерями. Разобраться спокойно, без оглядки на возможных свидетелей.

Но он знал, что компаньоны этот план не одобряют – кому охота торчать в темном лесу, не зная, по какой из дорог пойдут бригавы и пойдут ли вообще сегодня...

05 августа, 21:39, ДОЛ “Варяг”, комната Астраханцевой.

– Открыто! – прозвучало из-за двери. Света вошла.

Ленка жила одна в двухместной комнате на первом этаже БАМа; в лагере личного состава – вожатых, воспитателей и obsługi – как всегда не хватало.

Народу в небольшой, освещенной двумя свечами и пропахшей сладковатым дымком комнате оказалось много. Ленка; Масик, забравшаяся с ногами на кровать с панцирной сеткой; Клайд – высокий парень с длинными, давно не мытыми волосами; приятель Клайда – маленький, худосочный, пробормотавший свое имя так, что Света не расслышала; парочка, забившаяся в самый темный угол, куда не доставало колеблющееся мерцание свечей, – и абсолютно не реагирующая на окружающую действительность.

А еще там был Пробринкин, которого Света впервые видела в этой компании. Выглядел Доктор, с учетом освещения, романтично. Живописно растрепанные черные волосы и горящий взгляд делали плаврука похожим на начинающего поэта, подражающего внешности лорда Байрона (сходство дополнялось торчащей из кармана свернутой в трубку потрепанной рукописью).

Впрочем, причиной сверкания глаз Доктора могли быть три пустых стеклянных фляжки из-под коньяка, стоявшие на столе среди разнокалиберных стопок, рюмок и стаканов. Коньячные эти емкости слегка удивили Свету. Ленкины приятели редко бывали при деньгах и обходились обычно более прозаическими напитками.

Встретили ее радушно.

Пробринкин засуетился, придвигая к столу табуретку, а Клайд обрадовано извлек из своей объемистой черной сумки еще одну фляжку, судя по сопровождавшему сие действие звяканью – не последнюю.

Света пригубила налитый щедрой и не вполне твердой рукой Клайда коньяк и под села на кровать к Масику, благо единого разговора в комнате не велось: Доктор, невероятно общи-

тельный от выпитого, пытался что-то втолковать Клайду, сопровождая речь бурной жестикуляцией – тот слушал невнимательно; Ленка и безымянный приятель вполголоса беседовали, улыбаясь друг другу как люди, понимающие друг друга с полуслова.

...Масик была на редкость красивой девушкой. И давно, но безуспешно с этим боролась. Мечтала, чтобы окружающие реагировали не только на ее наружность... Увы, тщетно. Внешние данные Масика били наповал, вызывая у мужчин любого возраста мысли сугубо сексуального направления, а у большинства женщин затаенную неприязнь, густо замешанную на банальной зависти. И никто не обращал внимания на ее безуспешные старания сделать карьеру грамотного и не зависящего от сексапильности профессионала...

Сейчас, после краха очередной подобной попытки, она искала утешения у своей старшей подруги Ленки. Та, лишенная в характере зависти, не относилась к подавляющему большинству представительниц прекрасного пола, – к тем, что испытывали при виде Масика подсознательный страх за своих мужей, любовников и кавалеров. Впрочем, в женское меньшинство, проявлявшее отнюдь не платонический интерес к Масику, Астраханцева тоже не входила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.